

Леон Дегрелль

ЭССОСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА

Откровения с петлей на шее

ЭССОСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА

Откровения с петлей на шее

Леон Дегрелль

Леон Дегрель

**ЭССОВСКИЙ
ЛЕГИОН
ГИТЛЕРА**

ОТКРОВЕНИЯ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2012

УДК 355/359
ББК 68
Д 26

Оформление серии *П. Волкова*

Печатается по изданию: Leon Degrelle. La campagne de Russie: 1941–1945. Paris: Le Cheval Aile, 1949. Vol. I

Дегрелль Л.

Д 26 Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее / Леон Дегрелль. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 288 с. — (Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0366-8

За годы Второй Мировой автор этих мемуаров сделал феноменальную карьеру — от рядового добровольца до штандартенфюрера, командира **28.SS-Freiwilligen-Panzergranadier-Division «Wallonien»** (28-й добровольческой дивизии СС «Валлония»). Награждая его Рыцарским крестом с дубовыми листьями, Гитлер заявил: **«Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на Вас!»** А в родной Бельгии военного преступника Дегрелля приговорили к повешению, и до конца жизни он скрывался в Испании под чужой фамилией.

Эта книга, проследившая боевой путь бельгийских добровольцев фюрера от создания Валлонского легиона в августе 1941 года до его преобразования в штурмовую бригаду СС «Валлония», — лучшее противоядие от фашизма. Эти мемуары полезно почитать для прочищения мозгов всем доморощенным нацистам, верящим сказкам «о добром Гитлере», который-де пришел освободить Русь от «жыдов и комиссаров». В отличие от простых солдат Вермахта, пораженных несоответствием «арийской внешности» русского народа геббельсовской лжи о «недочеловеках», фанатичный гитлеровец Дегрелль видит на Восточном фронте только «азиатские орды» — одних лишь «татар», «киргизов» и «монголов» (!), — еще раз доказывая, что для европейских фашистов русской нации не существует вовсе!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0366-8

© А. Больных, пер. с фр., 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 1936 году я был самым молодым политическим лидером в Европе. В возрасте 29 лет я уже потряс свою страну до самого основания. Сотни тысяч мужчин, женщин и молодых людей последовали за мной, полностью мне доверяя. Наше движение получило десятки мест депутатов и сенаторов в бельгийском парламенте.

Я предпочитал продолжать борьбу за порядок и справедливость, против коррупции, но за пределами официальных рамок. У меня были идеалы, которые не позволяли мне идти на компромиссы или принимать участие в дележе награбленного.

Я хотел освободить свою страну от господства денежных интересов, тесно связанных с коррумпированной властью, подрывающей наши интересы, разъедающих совесть, разрушающих промышленность и труд. Анархический режим старых партий, которые все до единой были испятнаны проказой политических скандалов, я хотел заменить новым, легальным, сильным и свободным государством, в котором существуют четкий порядок, ответственность и представительство энергичных людей,

Это не был вопрос тирании или «фашизма». Это был вопрос здравого смысла. Страна не может жить в беспорядке, некомпетентности, безответственности, неопределенности и коррупции.

Я призывал к твердой власти в государстве, к компетентности общественных институтов, динамичному развитию нации, действующему контракту между массами и правительством, умной и продуктивной гармонии между гражданами, которые противостояли друг другу по причинам надуманным и искусственным. Классовая борьба, религиозная борьба, языковые проблемы — все они были созданы и старательно поддерживались противоборствующими партиями, одинаково лживыми, которые вели театральные дискуссии, делящими власть между собой.

Я спустился с метлой в руке к коррумпированным шайкам, которые истощали энергию моей страны. Я выметал их и сек, я уничтожал на глазах народа белые гробницы, в которых они прятали свои пороки и награбленную добычу. Я принес своей стране дыхание юности и идеализма. Я возвысил духовные силы, воспоминания о борьбе и славе наших доблестных предков.

Движение рексистов стало реакцией общества на распространение коррупции. Это было движение за социальную справедливость и обновление. Оно дало сильнейший толчок к величию, освободило тысячи душ, которые стремились воссиять и подняться над тусклой обыденностью режима и эпохи.

Такая борьба шла до мая 1940 года.

Вторая мировая война — которую я проклиную — переменяла все, в том числе и в Бельгии. Старые институты, старые доктрины рухнули, как прогнившие деревянные замки, вдобавок источенные червями.

Движение рексистов никак не было связано с победоносным Третьим Рейхом, ни с его лидером, ни с его партией, ни с его пропагандистской машиной. Наше

движение было целиком и полностью национальным и совершенно независимым. Все архивы Третьего Рейха были захвачены, но никто не сумел найти даже малейшего следа, прямых или косвенных связей между Гитлером и рексистами до мая 1940 года. Наши руки чисты, наши сердца чисты, наша любовь к стране, яркая и горячая, была совершенно искренней.

Немецкое вторжение захлестнуло нашу страну.

Для 99 процентов бельгийцев и французов война закончилась в июле 1940 года. Более того, старые демократические и финансовые режимы страстно желали как можно быстрее приспособиться к господству Рейха!

Среди тех, кто возмущался Гитлером в 1939 году, слишком многие пожелали броситься к его ногам в 1940-м. Это были лидеры левых партий, финансовые магнаты, владельцы крупнейших газет, министры-массоны, бывшее правительство — все они с льстивыми улыбками искали возможности стать коллаборационистами.

Разве можно было отдать страну во власть дискредитированных призраков старых партий, гангстеров финансовых империй, чьим единственным богом оставалось золото, бандитам, лишенным ума и достоинства, жаждущим только набить свой кошелек?

Эту тяжелую проблему следовало решить как можно быстрее. Почти все обозреватели полагали, что Германия одержала полную победу. Необходимо было изменить точку зрения. Можем ли мы, опасаясь ответственности, позволить стране безвольно плыть по течению?

В течение нескольких недель я размышлял об этом.

Только запросив и получив у короля разрешение, я возобновил издание газеты рексистов.

Однако бельгийский коллаборационизм, который возник в конце 1940 года, пошел в неверном направлении. Было совершенно понятно, что немецким оккупационным властям больше нужны капиталисты, чем идеалисты. Никто не мог точно понять, что именно требуется Германии.

Король бельгийцев Леопольд III желал выяснить все более точно и разобраться во всем. Он попросил Гитлера принять его. Аудиенция была дана. Но король Леопольд вернулся из Берхтесгадена, ни в чем не преуспев и не узнав ничего нового.

Было ясно, что нашей стране придется ждать, пока установится мир. Но к тому времени может быть и поздно. Мы должны победить раньше, чем закончится война, чтобы получить право вести переговоры с Германией на веских основаниях. Как этого добиться?

Коллаборационизм внутри страны был не чем иным, как работой в окружении, собиранием обломков, бесконечной борьбой за влияние против непонятных второстепенных персонажей. Такая работа не только не принесет авторитет занимающемуся ей, но может только дискредитировать его.

Я не попался в эту ловушку. Я следил и искал другой вариант. Внезапно в июне 1941 года я получил свой шанс: Германия начала войну против Советского Союза.

Это была уникальная возможность, возможность завоевать уважение немцев в бою, завоевав славу. В 1940 году мы были побеждены, наш король стал пленником.

В 1941 году нам представилась возможность стать

товарищами своих завоевателей. Все зависело от нашей отваги. Наконец мы получили возможность завоевать престиж, который позволит нам в момент реорганизации Европы говорить с высоко поднятой головой от имени своих героев, от имени своих павших, от имени своей нации, которая принесла в жертву свою кровь.

Во время нашей борьбы в бескрайних степях Востока мы желали исполнить свой долг перед Европой и христианством. Но, мы говорим об этом прямо, мы с первого дня заявили об этом прямо и громко, мы приносили в жертву свою юность ради будущего нашей нации в могучей и спасенной Европе. Именно ради этого погибли тысячи наших товарищей. Именно ради этого тысячи мужчин сражались четыре года, страдали четыре года, поддерживаемые этой надеждой, ведомые этим желанием, укрепляемые уверенностью, что добьются своей цели.

Рейх проиграл войну, но ведь он также мог и выиграть ее.

До 1945 года победа Гитлера оставалась возможной.

Я уверен, что если бы Гитлер стал победителем, признал бы право нашей нации на жизнь и величие, право, которое приобретается медленно и трудно, кровью тысяч бельгийских добровольцев.

Эти люди вынесли два года эпической борьбы, прежде чем привлекли внимание Рейха. В 1941 году бельгийский антибольшевистский Валлонский легион отправился на фронт, никем не замеченный. Наши солдаты должны были дать множество примеров отваги, тысячи раз рисковать жизнью, делая имя своей страны легендой. В 1943 году наш легион добровольцев

стал известен всему Восточному фронту своим идеализмом и бесстрашием. В 1944 году он достиг пика своей славы во время битвы вокруг Черкасс. Немецкий народ, более чем другие, ценит мужество солдата. Наше признание в Третьем Рейхе было уникальным, нас ценили выше, чем кого бы то ни было еще.

За время войны я видел Гитлера два раза, но мои визиты к нему ясно показали мне, что мы выиграли для своей страны. Пожимая мне руку в момент отъезда, Гитлер с волнением сказал мне: «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на вас». Как после всех сражений он мог отказать мне в праве моей страны жить в чести? Наши добровольцы достигли своей мечты, в случае победы немцев они помогли бы возрождению нашего народа и повели бы его к величю.

Победа союзников временно сделала бесполезными усилия четырех лет войны, гибель наших мертвых и славу выживших.

После поражения мир приложил все силы, чтобы опозорить проигравших. Наши солдаты, наши раненые, наши инвалиды были приговорены к смерти или брошены в концентрационные лагеря. Победители не уважали ничего, ни чести воина, ни наших родителей, ни наши дома.

Но величие не может быть напрасным. Добродетели, проявившиеся в страданиях и жертвах, сильнее ненависти и смерти. Точно так же солнце изгоняет ночную тьму, чтобы воссиять с новой силой.

Будущее принесет больше, чем просто реабилитацию. Оно не только приведет к признанию героизма солдат, сражавшихся на Восточном фронте, все поймут, что они были правы. Они были правы, потому что

большевизм — это отрицание любых ценностей. Они были правы, потому что объединенная Европа, за которую они боролись, была единственной и, вероятно, последней возможностью выживания чудесного континента, прибежища человеческой радости и страстей, едва не уничтоженного вихрем смерти.

Настанет день, когда люди пожалеют о поражении в 1945 году защитников и строителей новой Европы.

И в ожидании этого дня я намерен рассказать правдивую историю — историю их сражений, их испытаний, рассказать о том, как они отдавали сердца этой борьбе.

Эпическая история бельгийских добровольцев — всего лишь одно подразделение среди сотен — на огромном русском фронте включает и солнечные дни великих побед, и черные дни великих поражений, поражений, привнесенных внешними обстоятельствами, но поражений, с которыми они не смирились.

Именно там, в бескрайних степях, родились **люди**.

И ты читатель, друг или враг, увидишь, как они вернуться к жизни, потому что мы жили в те времена, когда нужно было долго искать **настоящих** людей, а они были именно такими. Это ты увидишь собственными глазами.

Леон Дегрелль

ГЛАВА 1

Бросок на Украину

День 22 июня 1941 года начался, как всякое другое прекрасное летнее воскресенье. Я вообще ни о чем не думал, когда включил радио, но внезапно несколько слов заставили меня оторопеть. Войска Третьего Рейха пересекли европейскую границу СССР.

Кампания в Польше, кампания в Норвегии, кампания в Нидерландах, в Бельгии и Франции в 1940 году, кампании в Югославии и Греции весной 1941 года были только предварительными операциями или вообще ошибочными. Настоящая война, в которой решалось будущее не только Европы, но и всего мира, только начиналась. Это больше не была война за границы или интересы. Это была религиозная война. И, как все религиозные войны, она должна была стать беспощадной.

Прежде чем бросить свои танки в степь, Рейх попытался прибегнуть к обходным маневрам, как затаившийся кот.

В 1939 году национал-социалистическая Германия выполняла беспрецедентную программу. Она восстанавливала себя столь беспрецедентными темпами в громе и блеске вспышек таких катаклизмов, что вся Европа и весь мир содрогались в ужасе. Если бы в это время все ее враги на Западе выдвинулись к Рейну, и

в то же самое время большевики начали бы наступление в Восточной Пруссии, они могли бы просто удавить Гитлера. Он любил повторять раз за разом, что кайзер Вильгельм II проиграл Первую мировую войну только потому, что не сумел избежать войны на два фронта. Он намеревается поступить умнее. Но мы еще увидим, как однажды на руинах рейхсканцелярии в Берлине встретятся не только шотландец и мужик, но также черномазый из Гарлема и дикий киргиз из азиатских пустынь...

* * *

В августе 1939 года накануне Польской кампании Гитлер в последнюю минуту сумел вывернуться из стратегической удавки.

Сталин имел много причин дружить с национал-социалистами, его сотрудничество с «демократиями» было еще в будущем. Лондон и Париж с огромным треском отправили в Москву военные делегации. Но в то же самое время в обстановке строжайшей секретности Гитлер сумел ослабить петлю.

Сталин, как и Гитлер, играл очень умело. Он был заинтересован в том, чтобы плутократические демократии и национал-социализм истощили друг друга, так как ненавидел обоих. Чем больше они подорвут свои силы в борьбе, тем легче коммунистам будет добиться своих целей. Сталин вел свою партию с азиатской хитростью, как главарь международной банды, уверенный в своих людях. Он даже мог позволить себе для видимости заключить союз с Третьим Рейхом: во всем мире дисциплина коммунистов была железной.

Эффект необычайной солидарности дал о себе

знать. Англия и Франция превратили войну в мировую после того, как Гитлер вторгся в Польшу. Сталин сделал то же самое 15 дней спустя, но ни одна из союзных держав не посмела вмешаться.

Таким образом советский лидер совершенно безнаказанно нанес удар в спину сражающейся Польше и аннексировал треть территории несчастной страны. Англия и Франция, столь озабоченные ранее территориальной целостностью Польши, не посмели объявить войну СССР.

Это моральное и военное отречение от своих обязательств вселило уверенность в коммунистические банды по всей Европе. Демократии испугались Сталина! Они отступили перед ним! То, что было нестерпимо у Гитлера, оказалось вполне терпимо у русских!

«Демократии» пожертвовали моралью, принципами, самоуважением из опасений сделать союз Гитлера и Сталина еще прочнее. Они также опасались саботажа, который могли начать или уже начали коммунистические партии по всей Европе. Как всегда сиюминутные интересы взяли верх над другими соображениями.

В действительности «маленькая война» длилась всего 15 дней. Начиная с сентября 1939 года у союзников имелась только одна идея: не спровоцировать СССР, начать заигрывать со Сталиным, несмотря на его агрессию в отношении Польши.

Сталин смог резко увеличить свои требования, чтобы покончить с независимостью Литвы, Латвии и Эстонии, отобрать Бессарабию у Румынии. Для союзников было важно только одно: позволить русским сменить сторону. Менее чем через два года это им удалось.

* * *

Германия в 1939 и 1940 годах выиграла битвы в Польше, Норвегии и на Западном фронте. Однако она вела войну уже более 500 дней, не сделав одной очень важной вещи: не совершив победоносной высадки в Англии.

Англия со своей стороны точно так же не могла высадиться на континенте: Черчиллю пришлось готовить эту высадку несколько лет.

Поэтому курс Сталина был совершенно очевидным. Он шел на конфронтацию с Рейхом. Особенно это стало заметно на Балканах.

Игра становилась все более осторожной.

Немцы уже протянули свои лапы к Бухаресту, Софии и Белграду. В марте 1941 года Югославия импульсивно разорвала договор с Рейхом, заключенный всего 8 дней назад, что привело к роковым последствиям. Большевики, которые тайно подстрекали к такому поступку и которые хотели чуть больше, чем просто сместить британского ставленника короля Петра, публично объявили о поддержке югославского правительства.

Но в результате через две недели немецкие танки прошли по улицам Белграда, Сараево, Салоник и Афин. Парашютисты маршала Геринга заняли остров Крит. Однако даже после этого советско-германские отношения еще не были разорваны. Союз с Рейхом имел для Сталина практическое значение. Он принес ему все, что Сталин ожидал: окровавленный кусок Польши, три прибалтийские страны, некоторые важные территории в Финляндии, великолепную Бессарабию.

Фашистский лимон был выжат досуха. Пришло вре-

мя братья за второй лимон: так называемые «демократии». Мы знаем, какого рода сок дал большевикам этот фрукт к 1945 году: оккупацию территорий в Европе и Азии, на которых проживали 200 миллионов человек. Красная Армия обосновалась в Тюрингии, на Эльбе, у ворот Любека, в Петсамо, в Маньчжурии, Корее и на Курильских островах!

Югославский переворот стал доказательством наличия интересов СССР на Балканах, а весной 1941 года русские развернули военные приготовления. Все это не оставляло у Гитлера сомнений в амбициях Сталина. Чем больше он будет ждать, тем вероятнее его атакуют. Чтобы сосредоточить свои силы на востоке, он временно отложил план вторжения в Англию. Гитлер пытался разными способами найти хоть какой-то вариант мирного разрешения конфликта между Германией и Соединенным Королевством. Но было уже слишком поздно для этого. Англичане больше не были расположены прекращать борьбу, однажды начавшись, она уже не могла быть остановлена.

В течение двух лет каждая страна хладнокровно подсчитывала, придерживаясь своего исконного национального эгоизма и соблюдая собственные интересы. В конце концов, все пришли к совершенно одинаковым заключениям.

Русские, умело подталкиваемые Англией и прищипываемые новыми соблазнами, намеревались напасть сами, раньше или позже — неважно. Немцы, чувствуя, что жребий брошен, решили согласиться с неизбежным. 22 июня 1941 года началась битва не на жизнь, а на смерть между национал-социалистическим Рейхом и советской Россией: два империализ-

ма, две религии, два мира, протянувшихся по степям на восток.

Основные богатства Англии, отделенной от остальной Европы морем, были рассеяны по всему миру, поэтому она не могла в полной мере оценить важность дуэли. Она отреагировала, думая о своих ближайших интересах — облегчить блокаду островов, а не о судьбе, которая ждет Европу в день победы большевиков.

Наоборот, для нас, населения Европейского континента, эта борьба стала решающей.

Если победу одержит национал-социалистическая Германия, она получит господство на востоке над огромными территориями, пространство для расширения прямо от своих границ, связанное с метрополией железными дорогами, реками и каналами. Немцам придется осваивать эти территории. Великий Германский Рейх полностью возродится, имея замечательную социальную структуру, он обогатит новые территории, простирающиеся от Северного моря до Волги. Он будет обладать невероятной мощью, неслыханной притягательной силой и предложит двадцати миллионам человек, теснящимся на старом континенте, такие возможности для прогресса, что эти территории станут исходной точкой для создания Европейской федерации, о которой мечтал Наполеон, которую описывал Ренан и которую воспевал Гюго.

Если же, наоборот, верх возьмут коммунисты, кто в Европе сможет им противостоять, когда рухнет германский бастион? Польша, истекающая кровью? Безумные Балканы, обманутые, оккупированные, порабощенные? Обескровленная Франция, которая противопоставит красивые речи двумстам миллионам мужиков и большевистской идеологии, возвращенной на

победных лаврах? Греция, Италия, болтливые и очаровательные, со своим нищим населением, привыкшим греться на солнце, словно ящерицы? Винегрет мелких европейских народов, ошметки тысячелетней гражданской войны, каждый из которых не наскребет и сотню танков? Большевики разгромят Рейх, и тогда Сталин взгромоздится на тело Европы, которая, утратив все силы сопротивления, будет готова подвергнуться насилию.

* * *

Естественно, позднее западные державы попытаются спасти советизированную на три четверти Европу. Бывшие союзники придут в ужас, потому что СССР перестанет довольствоваться тем, что лежит поблизости, и едва закончится Вторая мировая война, он протянет свои жадные лапы к Тихому океану, Китаю, Персидскому заливу, Средиземному морю, Суэцкому каналу, угрожая колониям, сырью и огромным многонациональным трестам.

Но даже тогда англо-американцы не будут пытаться спасти Европу ради Европы. Они будут рассматривать Запад всего лишь как исходный плацдарм, с которого они будут защищать свой собственный империализм и противостоять империализму советскому. А в случае необходимости с помощью атомного оружия они легко превратят этот плацдарм в выжженную пустыню.

Мы, сыны Европы, думали о жизни Европы. Каково бы ни было наше мнение относительно причин, по которым началась война, какие бы сожаления о прошлом мы ни питали, какова бы ни была горечь от иностранной оккупации наших стран, каждый из нас пони-

мал, что сейчас не время думать о приятных или неприятных моментах, пережитых с 1939 по 1941 год в той или иной стране. Сейчас на карте стояла судьба Европы.

Это объясняет совершенно необычайное, спонтанное движение, которое увлекло множество энергичных молодых людей от Осло до Севильи, от Антверпена до Будапешта. Они покинули свои родные дома в Ютландии и Анжу, в Арденнах и Пуште, в Лимбурге и Андалусии не для того, чтобы служить интересам Германии. Они намеревались защищать две тысячи лет древнейшей цивилизации. Их вдохновляли базилика Флоренции и собор Реймса, Алькасар в Толедо и колокольня Брюгге. Они умирали тысячами не за германский новый порядок, но за свои старые страны, за Европу, Европу Вергилия и Ронсара, Европу Эразма и Ницше, Рафаэля и Дюрера, Европу Св. Игнатия и Св. Терезы, Европу Фридриха Великого и Наполеона Бонапарта.

Свой выбор между старинной Европой и советским нашествием со всеми его ужасами они сделали сразу и без колебаний. Новое поколение со всей Европы решило бороться. Белокурые гиганты из Скандинавии и Прибалтики, венгерские мечтатели и усатые смуглые румыны, темпераментные хорваты, эксцентричные и сентиментальные итальянцы, испанцы с горячими черными глазами, добродушные французы, датчане, голландцы, швейцарцы — все поспешили на битву за Европу. Здесь были все нации. Мы видели даже нескольких английских добровольцев, всего десяток или целый десяток — как хотите.

* * *

Тысячи бельгийцев записались сообразно языку либо во Фламандский, либо в Валлонский легионы. Сначала они образовали два батальона, затем в 1943 году — две бригады, наконец в 1944 году — две дивизии: Валлонскую дивизию и Фламандскую дивизию «Лангемарк».

В течение 46 месяцев я был одним из этих европейских добровольцев, пережил вместе со своими товарищами величайшие и ужаснейшие события. В течение двух лет мы стояли на пороге Азии, затем началось бесконечное отступление от Кавказа до Норвегии. Мы пережили неслыханный экстаз наступлений в 1941 и 1942 годах, горькую славу поражений и изгнания, пока, наконец, добрую половину Европы не захлестнули волны желторылого советского прилива.

Завоеванная Украина

В октябре 1941 года нам потребовались две или три недели, чтобы совершить путешествие от границ Рейха на фронт.

Мы проехали через Лемберг, он же Львов, где все брички были украшены желто-голубыми украинскими флажками. Едва мы выехали в сельскую местность на юго-западе, то сразу смогли оценить размеры военных катастроф, которые обрушились на Россию. Сотни бронемашин стояли вдоль дорог. Каждый перекресток был забит горелым металлом.

Этот спектакль продолжался около получаса, потом свидетельства сражений исчезли. Мы ехали по центральной Украине, не пострадавшей Украине, и виде-

ли сотни огромных стогов сена, длинных, словно дирижабли. Они стояли на грязных полях.

Мирные деревни, рассеянные там и тут, с избами, выкрашенными в белый или бледно-голубой цвет, и соломенными крышами. Каждый крошечный домик прятался в рощице молодых вишневых деревьев.

Стены изб были сделаны из глины, но местные художники вырезали примитивные скульптуры птиц, цветов, животных и украшали ими оконные ставни. Эта деревянная резьба была раскрашена яркими красками. Окна были с двойными рамами, герметически закрытыми, разделенными деревянной доской шириной в ладонь, на которой лежали на шерстяной пряже маленькие стеклянные безделушки, апельсины и томаты, сделанные из раскрашенной глины.

Перед избами стояли большие девочки. Их белокурые волосы были заплетены синими и красными лентами. Они были одеты в платья из грубого полотна и потому походили на жительниц Лапландии. В высоких сапожках казачьего типа они спокойно шлепали по грязи среди хрюкающих свиней.

Поезд должен был остановиться на несколько часов прямо посреди поля или перед разрушенной деревней. Мы покупали цыплят, которых варили в кипятке, полученном от паровозного котла. Некоторые молодые украинцы с гордостью демонстрировали нам свои познания в немецком языке. Но в их учебниках на первой странице красовались слова: «Сталин — величайший человек в мире». Но в конце учебника фразу уже исправили, и теперь она выглядела как: «Гитлер — величайший человек в мире». Но школьников, судя по всему, это не слишком волновало.

* * *

Некоторые встречи дали нам представление о масштабах побед, одержанных в сентябре и октябре 1941 года. Мы видели составы, перевозившие в Рейх огромные толпы пленных.

На каждой остановке мы бежали посмотреть на вагоны с пленными. Мы в удивлении таращились на огромных волосатых мужчин с маленькими, блестящими кошачьими глазами. Среди них было много азиатов. Их набивали по 80 и даже по 100 человек в вагон.

Однажды ночью на остановке нас разбудили ужасные крики. Мы поспешили открыть двери вагона, набитого пленными. Азиаты, голодные как пираньи, дрались между собой, вырывая куски мяса чуть ли не изо рта. И это было человеческое мясо! Пленные дрались вокруг останков мертвого монгола, которого разрезали на куски с помощью жестянки от консервной банки. Наверняка некоторые пленные решили, что их обделили при раздаче мяса. Обглоданные кости они выбрасывали наружу через окошки. Эти окровавленные объедки валялись на насыпи вдоль вагона.

Мы позднее узнали, что сотни тысяч пленных, собранных таким образом, были вынуждены стоять на ногах до трех недель. Питались они лишь тем, что можно было найти рядом с путями. Многие из этих азиатов были привезены прямо из диких степей, они предпочитали глотать ребра калмыков или татар, но не умереть с голода. На одной из станций я видел, как несколько пленных рылись в земле. Они вытаскивали красных извивающихся червяков длиной около шести дюймов и глотали их. Эти пожиратели червяков даже причмокивали от удовольствия.

* * *

Однажды утром мы прибыли на реку Буг, но большой металлический мост лежал на дне реки. Нам пришлось выгружать весь свой багаж и расположиться лагерем в городе Первомайск.

Здесь мы получили очередные новости с фронта. Наступление больше не было столь стремительным, как могло показаться наблюдателям на железной дороге. Наоборот, продвижение немцев заметно замедлилось. Не была взята Москва, не был взят Ленинград, на фронте под Ростовом ситуация была довольно запутанной. Оптимизм все еще был очень велик, но кое о каких вещах люди предпочитали помалкивать. Немцы в Первомайске вскользь жаловались на трудности, которые испытывали дивизии, оказавшиеся в тысячах километров от границ Рейха.

Глядя на грязь, мы думали о бескрайнем месиве, которое отделяло наступающие армии от бывших баз. Лишь одна дорога связывала Первомайск с Днепром. Несколько грузовиков, пытавшихся проехать по ней, увязли в трясине по оси. Грязь была черной и густой, как смола. Самые сильные моторы оказывались бессильны.

Железнодорожные линии были не в лучшем состоянии. Судя по всему, их не ремонтировали с царских времен. Поезда ползли вперед мучительно медленно, рельсы поднимались и опускались, словно морские волны. Движение было умеренным, хотя вагоны переставляли на широкую колею очень быстро. Пересадка из одного состава в другой еще больше ухудшала положение. Когда мы прибыли к Бугу, нам пришлось пешком спуститься на дно долины, а затем снова подниматься, совершив обход в несколько километров по

грязи. В качестве тропы использовалась сама река — люди маршировали по колено в воде. Так как все мосты были взорваны, всю помощь армиям на юге приходилось доставлять таким образом.

Наступая на восток, немецкие армии играли в азартную игру. Если бы затея Гитлера увенчалась скорой победой, положение на Восточном фронте удалось бы консолидировать относительно быстро. Немцы, всегда считавшиеся гениями организации, могли развернуть войска, чтобы наладить тыловые коммуникации, отремонтировать и улучшить железнодорожные линии, восстановить мосты — и все в течение считанных месяцев. Это помогло бы предотвратить катастрофу.

К несчастью для Рейха, война не закончилась так быстро, как рассчитывало Верховное командование. Дивизии еще пытались двигаться вперед, но осенние дожди сделали степь непроходимой. Боеприпасы, бензин, подкрепления тратили недели, чтобы преодолеть русские просторы.

Прикованная к месту армия очень уязвима. Приближалась зима. В 1812 году именно в это время года Наполеон был вынужден принять роковое решение об отступлении из Москвы.

Однако армии Рейха были намерены остаться в России. Причем это была не попытка удержать отдельный удаленный пункт, как было у французского императора. Вместо этого немцы собирались удержать фронт длиной 3000 километров от Белого до Черного моря.

Мы смотрели на пустые вокзалы, взорванные мосты, грузовики, утонувшие в грязи, и не могли не думать о сотнях тысяч солдат, сражающихся в России, которые намеревались совершить то, на что не отва-

жился Наполеон: удерживать позиции, несмотря ни на что, среди степей, имея перед собой врага, а позади пустыню. Ну а вдобавок с неба валил снег, и лед глодал их тела и души...

Тем не менее все верили в безошибочность германского Верховного командования, а потому мы не могли долго предаваться тяжелым мыслям. Война еще может закончиться до того, как наступят самые жестокие холода. Но даже если нет, все это предусмотрено, как всегда было ранее...

Мы пересекли затопленную долину Буга и погрузились в другой состав. Днем степь оставалась спокойной, однако ночью наши поезда обстреляли. Однажды утром мы заметили тела советских солдат вдоль насыпи. Когда-то они пытались атаковать, но теперь их скрюченные тела лежали в снегу.

Вода начала замерзать, и нам приходилось раскалывать лед в колодцах по утрам, чтобы умыться.

Мы ехали 17 дней, находясь по 40 человек в вагоне. Рано утром 2 ноября мы пересекли большой противотанковый ров, врезанный в красно-коричневый склон холма.

Поезд начал спускаться вдоль бесконечных стен сгоревших заводов. Это было чудесное зрелище: могучий голубой поток, купающийся в солнечных лучах, внезапно появился, сверкая, перед нашими глазами: это был Днепр, имевший ширину более километра.

Днепропетровск

Между Галицией и Днепром боев практически не было. После захвата города Лемберга бой на окружение Балты решил судьбу прекрасной украинской равнины, где росли кукуруза и пшеница, где стояли боль-

шие белые и голубые деревни, затерявшиеся среди тысяч вишневых деревьев. Немецкие танки без всяких проблем дошли до Днепропетровска.

Битва на окраинах города была жестокой. Только на одном кладбище возле вокзала появились более 600 немецких могил. Целые улицы были сожжены. Однако город был по-прежнему прекрасным. Проспект Карла Маркса, сразу переименованный в Адольф Гитлер штрассе, пересекал город из конца в конец, широкий, как Елисейские Поля.

Война перешагнула реку. Ее обличье, проявившееся, когда немецкие войска вошли в густонаселенные районы, имело вид скорее комический, чем трагический. Длинные ряды людей, мертвецки пьяные, лежали вдоль канав, по которым текли потоки водки, ведь большевики, отступая, разбили хранилище. Пьяные черпали алкоголь даже из грязи, а потом, упившись, валялись пузом кверху, ожидая прибытия победителей.

В Днепропетровске сталинский режим вел грандиозные строительные работы. На нас все это произвело впечатление еще в пригородах, когда мы увидели огромные кирпичные дома, построенные большевиками для рабочих. Они выглядели вполне современно. Здания были огромными, и их было очень много. Несомненно, что большевики делали кое-что для рабочих. Если нищета крестьян была ужасающей, рабочие, по крайней мере, получили кое-какие выгоды в новые времена.

Однако было необходимо посетить эти здания и рассмотреть их внимательно. Мы жили шесть месяцев в Донецком бассейне. У нас оказалось достаточно времени, чтобы проверить выводы, которые мы сделали, впервые войдя в Днепропетровск. Здания, столь

внушительные издали, на самом деле оказались гигантским обманом для глупых туристов, которых привозил сюда «Интурист», и операторов документальных фильмов.

Если подойти поближе к этим зданиям, то чувствовалось ужасное зловоние, которое поднималось от гигантских луж грязи и дерьма, окружавших каждый дом. Вокруг них не было ни тротуаров, ни щебенки. Русская грязь была повсюду, и повсюду стены облупливались и трескались. Балконы шатались, цементные лестницы были выщерблены, хотя здания простояли всего несколько лет.

На каждом этаже имелись несколько квартир, которые были выбелены и располагали крошечными кухнями, рассчитанными на несколько семей. Электрические провода были собраны в пучки. Внутренние стены были сделаны из гипса и трескались при попытке забить в них гвоздь.

Как правило, в домах не было воды. Пролетарии, не умея пользоваться коммунальными удобствами, облегалась вокруг зданий, превратив район в огромную выгребную яму. На морозе дерьмо застыло, но при каждой оттепели снова начинало смердеть. И в результате эти многоэтажные дома были еще менее пригодны для жизни, чем жалкие избы, в которых, на богатейшей в Европе почве, прозябали в нищете миллионы русских крестьян. Они были одеты в лохмотья, ели из глиняных мисок грубыми ложками, вырезанными из дерева.

75 процентов наших солдат были ремесленниками. Многие из них в свое время поддались советской пропаганде. Теперь они стояли, разинув рты, при виде грязи и убожества, в которых жил русский пролетари-

ат. Они трясли головой, отгоняя видение, и были вынуждены посмотреть дважды, чтобы поверить собственным глазам.

Гитлер поставил опасный эксперимент. Сотни тысяч германских рабочих были мобилизованы и посланы на Восточный фронт, и они могли сделать опасные сравнения, если бы коммунисты действительно сделали что-то серьезное для своих рабочих.

Напротив, мысли немцев возвращались к уютным домам в Германии, к их комфорту, семейным садикам, клиникам и родильным домам, приятному отдыху, оплаченному отпуску, восхитительным круизам по Скандинавии и Средиземноморью. Они вспоминали своих жен и детей, здоровых и прекрасно одетых. Глядя на оборванных русских, на их жалкие избы, квартиры мрачных и рахитичных рабочих, они делали совершенно ясные выводы.

Никогда еще немецкие рабочие не совершали столь поучительного путешествия.

Четыре года спустя это сопоставление сработало в обратную сторону: советские солдаты возвращались домой, разграбив Восточную Европу — часы, ювелирные изделия, одежда. Они были поражены комфортом в некоммунистических странах и разочарованы «раем» деревянных ложек, заплатанной одежды и кучами говна вокруг домов-бараков.

* * *

По прошествии трех дней мы получили приказ выступать дальше. Ближе к утру мы должны были переправиться на левый берег Днепра и войти в прифронтовую зону.

В 18.00 наш легион собрался на террасе, возвышавшейся над рекой. До нас долетал мощный шум воды, и я вышел вперед, чтобы еще раз напомнить своим товарищам об их долге, как европейцев, патриотов и революционеров. Странные чувства овладели нами. Кто из нас вернется обратно?

В полночь мы построились в колонны.

Имелся лишь один путь через реку — деревянный мост длиной 1300 метров. Его несколько раз разрушали советские авиация и артиллерия. Сильные зенитные батареи прикрывали оба конца моста, так как он был единственной ниточкой, связывающей тыл с южным участком фронта. В черной речной воде мелькали бесчисленные куски льда, похожие на легендарные лотосы. Остовы затонувших кораблей торчали над водой.

Мы поспешили через реку, навстречу войне. Все солдаты мрачно молчали.

Фронтная грязь

Тот, кто не осознает важности грязи в России, не сможет понять, что происходило в течение четырех лет на Восточном фронте. Русская грязь — это не только лекарство, которое каждую весну возвращает степь к жизни, она также является естественным препятствием, во много раз более эффективным, чем снег и лед.

Еще возможно как-то взять верх над холодом и двигаться вперед при температуре 40 градусов ниже нуля. Но русская грязь непобедима. Ничто не властно над ней, ни человек, ни природа. Она господствует в степи несколько месяцев в году, пока яростное солн-

це не высушит ее, а земля от жара не начнет трескаться. Но грозовые тучи возрождают грязь каждые три недели. Грязь очень скользкая, потому что почва пересыщена маслянистыми веществами. Весь район буквально плавает в масле. Вода не течет, а стоит, грязь липнет к ногам людей и животных.

Выгрузившись на берегах Буга в октябре, мы уже удивились при виде грузовиков, наполовину утонувших в черной трясине. Но мы не оценили весь ужас ситуации, пока сами не вступили в эту трясину на юге Украины.

* * *

Дальше Днепропетровска поезда не ходили. Мосты обрушились, рельсы были взорваны.

В октябре 1941 года немецкие войска на большой скорости продвигались по Донецкому бассейну, оставляя в тылу обширные регионы, которые с началом сезона дождей превратились в черные дыры, физически недоступные. Подразделения, которые ранее двигались со стремительностью пули, на несколько месяцев увязли в борьбе с 300-километровым болотом, отделявшим их от Днепропетровска.

Сталина спасли 15 дней. Если бы солнечная погода простояла еще 15 дней, немецкие конвои со снабжением добрались бы до фронта. Но Сталина, оказавшегося на грани гибели, спасла всепобеждающая грязь, которая остановила его солдат и пушки в шаге от цели.

Гитлер разгромил миллионы советских солдат, уничтожил их авиацию, их артиллерию и танки, однако он ничего не смог сделать с ударами, которые сыпа-

лись с неба, напитав водой огромную маслянистую губку под ногами солдат, колесами грузовиков, траками танков. Величайшая и самая быстрая в истории победа на своей последней стадии увязла в грязи. Грязь и только грязь, в первую очередь грязь, старая, как мир, более мощная, чем стратегия, чем золото, чем ум и гордость человека.

* * *

Наш легион прибыл на Украину как раз вовремя, чтобы вступить в бой — точнее, вступить в борьбу с врагом.

Но борьба без славы, изматывающая борьба, борьба, сбивающая с толку, борьба разочаровывающая, хотя она придавала мужество тысячам советских солдат, которых немецкие танки расшвыривали во все стороны буквально пару недель назад.

Сначала они, как и французы в 1940 году, верили, что все потеряно. Все указывало на это. Они боялись и потому стремились спрятаться. Затем начались дожди. Из тополевых рощ и гнилых изб, которые скрывались среди деревьев, партизаны могли видеть, как отборные войска Рейха, которые ранее произвели на них такое впечатление, утратили свою непобедимость. Их грузовики потерпели неудачу, их танки потерпели неудачу. Русские могли слышать, как водители в бессильной злости проклинали свои моторы. Бесновались мотоциклисты, неспособные вытащить свои машины из грязи. Понемногу перепуганные русские вернули себе уверенность.

Грязь подарила им передышку и позволила организовать сопротивление, которое стало эффективнее,

потому что немецкая армия продемонстрировала свою уязвимость, немыслимую еще неделю назад, когда ее танковые колонны сверкали на солнце. Грязь превратилась в оружие. Снег стал еще одним оружием. В течение шести месяцев не произошло ничего особенно серьезного. Шесть месяцев отсрочки приговора, когда плечи борца едва не были припечатаны к коврику... До мая 1942 года этого было достаточно, чтобы сковать силы Рейха, которые, побежденные природой, мечтали только отсидеться спокойно до лучших времен. Партизаны уже организовали свои отряды в тылу немецких дивизий, беспокоили подобно комарам на болоте, больно жалили и стремительно исчезали сразу после укуса.

Мы мечтали об эффектных битвах. Но теперь мы узнали настоящую войну, войну против усталости, войну с предательской, засасывающей трясиной, ужасными условиями жизни, бесконечными болотами, ночами проливных дождей и пронизывающих ветров.

Мы прибыли на фронт после окончания летнего наступления, когда армии Гитлера увязли в чудовищном болоте, когда партизаны появлялись из-за каждой рощи и ставили свои ловушки повсюду.

Именно партизаны начали бои после Днепропетровска. В теории фронт находился в 200 километрах от Днепра. В действительности он начинался в 50 метрах от дороги. Буквально в паре километров от Днепра тысячи партизан укрывались в еловых лесах, растущих на берегах реки Самары. По ночам взлетали на воздух соседние мосты, отдельных солдат убивали, вспыхивали таинственные пожары. В ночь нашего прибытия в большой заводской поселок Новомосковск загорелся

гараж, в котором стояли 90 грузовиков вермахта, и осветил весь населенный пункт.

Этих опасных налетчиков следовало изловить и уничтожить. Наш легион получил приказ выдвинуться на запад, юго-запад и юг от этого лесного убежища противника.

* * *

Когда мы пересекли полосу грязи, которая отделяла нас от деревьев, то были вымотаны до предела адской борьбой. Каждый метр грязи стал непреодолимым препятствием.

Вся местность вокруг была черной, как смола, причем повсюду стояла вода. Не светилось ни одно окно на фермах. Мы падали в ямы, полные грязи, роняли оружие и на ощупь искали его. Вода поднималась до середины бедра. Ямы были такими опасными, что нам приходилось связываться веревками по три человека, чтобы можно было быстро вытащить товарища, попавшего в беду.

Мы потеряли около 20 часов, пересекая эти адские километры. В конце концов все оказались перемазаны с ног до головы. Свои вещи нам пришлось бросить в воде. Наконец мы натолкнулись на несколько заброшенных изб. Мы развели костры из соломы и досок, отодранных со стен. Вся наша одежда пропиталась грязью. Наши тела покрылись липкой слизью. Наша кожа стала какой-то непонятно серой.

Довольно долго мы пытались оттереться клочками сена, но разочарованные, грязные, вонючие остались ждать наступления утра, задыхаясь в клубах едкого дыма.

* * *

Вот такую борьбу вели тысячи солдат на фронте длиной 3000 километров, превратившемся в сплошную полосу навоза и слизи.

Встревоженные, измученные, мы должны были сражаться с врагом, находившимся впереди нас, позади нас и вообще со всех сторон. Грязь подорвала наш дух. Самые слабые просто падали в изнеможении.

Во время первой фазы боя один из наших солдат попал в трясины, так что торчать осталась лишь голова. Полностью потеряв мужество, он выстрелил себе в рот из винтовки.

Земля имела свои укрепления. Старая русская земля, по которой шагали завоеватели, использовала свое естественное оружие, она сама защищала себя, сама мстила.

Первое возмездие настигло нас дождливой осенью 1941 года, когда мы увидели лужи красной крови на черной, липкой, скользкой грязи.

Деревня

Деревню Карабиновка, где мы провели почти три недели, стараясь нейтрализовать действия партизан, пересекала, как и все остальные русские деревни, бесконечная сельская дорога шириной около 50 метров. По обеим ее сторонам стояли избы, изгороди, дощатые заборчики и вишневые сады.

Разбросанные там и сям соломенные крыши домов проседали под собственной тяжестью, и дома всюду были одинаковыми, если не считать цветов, в которые их раскрасили хозяева. В дом можно было попасть че-

рез крошечные черные сени, либо ты сразу попадал в общую комнату. Тебя приветствовала удушающая жара, запах грязи, помидоров, дыхания и мочи, так как зимой молодые животные жили вместе с людьми.

Зимой в русских избах вряд ли остались свободными маленькие скамейки и грубые деревянные стулья. Взрослые поднимались только для того, чтобы задать корма свиньям, корове или овцам. Потом они возвращались с охапкой кукурузных или подсолнечных стеблей, которые они использовали, чтобы поддерживать огонь.

Печь выполняла множество функций. Здесь готовили еду, она согревала дом, на ней спала вся семья. Внушительный куб из кирпичей и глины занимал треть или половину комнаты и не доходил всего лишь на полметра до потолка. Два или три раза в день кто-нибудь подбрасывал дрова или ветки в топку. Вечером вся семья забиралась на печь. Отец, мать, дети теснились вместе и спали поверх грязных ковриков, укрывшись дешевыми тряпками, из-под которых торчал ряд босых пяток, плоских и грязных. Дети проводили на печи шесть или семь месяцев в году, словно обезьяны на деревьях. Их единственной одеждой была рубашка чуть ниже пояса. Они были жалкими и грязными, из носов постоянно текло. В России детская смертность была ужасающей, естественный отбор в первые годы жизни работал без всякой пощады.

Целый угол в избе был отведен иконам. Некоторые из них выглядели особенно красиво, они были написаны в XV или XVI веках. На заднем плане этих миниатюр изображались чудесные пейзажи: зеленые и белые замки, изящные дикие звери. Очень часто изображался св. Георгий, убивающий дракона, или добрый седо-

бородый св. Николай, либо Богородица с миндалевидными глазами, держащая младенца Христа, написанного в стиле итальянских примитивистов.

Иконы были украшены гирляндами зеленой и розовой бумаги. Крестьяне крестились по двадцать раз на дню, проходя мимо икон. Иногда перед ними лежала старая, грязная, обглоданная собаками Библия, несколько страниц из которой торжественно зачитывались вечером при дрожащем свете керосинки.

Эти люди никогда не ссорились между собой, только мечтательно смотрели вдаль.

В избах было полно зимних растений. Они имели большие маслянистые листья и вырастали до двух метров в высоту, почти до потолка, создавая некое подобие джунглей в душном жилище.

Во всех избах имелся хлев для скота, сделанный, как пристройка. Миллионы наиболее зажиточных крестьян, кулаков, давным-давно были сосланы в Сибирь, где им предстояло хлебнуть горя. Те, кто избежал ссылки, имели только одну корову, одну или двух свиней, дюжину овец и сколько-то кур.

Это была вся их собственность. Они ухаживали за своей скотиной очень тщательно. Телят и поросят уносили в тепло единственной жилой комнаты, когда наступали морозы.

Колхозы, где каждый был обязан служить режиму, вывозили почти всю пшеницу, кукурузу и масло. Благодаря этому грабежу Сталин сумел наладить производство танков и пушек для мировой революции. Крестьянину, обед которого состоял из пары вареных картофелин и луковицы, оставалось только молиться перед иконами с присущим ему фатализмом, глядя на святые изображения чистыми, но пустыми глазами.

* * *

Осень прошла. Исчезла влажность, и вечера стали сухими. Затем пошел снег. Подмораживало. Так началась великая русская зима. Деревья в пригородах за сверкали, покрывшись тысячами сосуллек. Небо стало голубым, белым и бледно-золотым. Солнце мягко сияло над ивами, окаймляющими озера. Однажды утром все население деревни отправилось к этим ближайшим озерам.

Озера были сплошь покрыты камышами, торчавшими словно копья высотой три метра, увенчанные коричневыми и розовыми плюмажами. Лед охватил их серые стебли. Крестьяне опробовали прочность льда, припорошенного снегом. Найдя его прочным, они отправились косить камыш.

Это была странная жатва. Под холодным ноябрьским солнцем крестьяне срезали высокие стебли, точно так же, как они жали пшеницу в июле. Срезанный камыш должен был пойти на крыши для коричневых изб.

Жатва проходила прекрасно. Тысячи маленьких крикливых воробьев с истошным чириканьем металась над берегом. Буквально за три дня озера опустели. Крестьяне вернулись домой и закрыли двери на всю зиму.

Наступило время зимней спячки. Пошел град, поцарапавший глиняные стены изб и переломавший ветви вишневых деревьев.

ГЛАВА 2

Зима на Донце

Советские «партизаны» представляли собой военные соединения особого рода. Они были нигде и в то же самое время повсюду. Днем они прятались в зарослях, залезали в стога, выглядывали из-за резных наличников окошек в деревенских избах, их наблюдатели молчаливо следили за каждым шагом врагов. Они отмечали наши склады и пересчитывали технику, уточняли наши дороги и пути, шпионили за нашими работающими саперами.

А ночью они взрывали мосты и поджигали машины. Со склонов холмов били пулеметные очереди. Мы бежали туда, но каждый раз опаздывали. Прибежав, мы находили только полинявшую шапку да отпечатки сапог. И ничего более. Лес бесшумно и бесследно поглощал беглецов.

Имея только одну роту, мы должны были прикрывать несколько километров шоссе от Днепропетровска до Сталино, а также несколько километров на краю леса, который находился в двух километрах от нашей деревни — два километра холмов, поросших кустарником, который трепал холодный ветер.

Наших посты были расположены в 300 метрах от деревенских изб. Мы держали там караулы, но у людей носы белели от снега, а руки коченели. Холод ста-

новился все более свирепым, а у нас не было совершенно никакой зимней одежды.

Однако мы не могли просто лежать в своих лисьих норах и ждать. Русские словно кошки проскальзывали между нашими постами по ночам. А если им удастся попасть на охраняемую территорию, они смогут сделать свое черное дело без всяких проблем. Поэтому половина наших сил постоянно патрулировала на пастбище между лесом и деревней.

Мы старались замаскироваться в снежных окопах, а наблюдатели пытались уловить малейшее шевеление, внимательно вслушивались в посвист ветра.

Мы коченели в норах, заносимых снегом. Наши зубы стучали, а эта бесконечная игра в прятки превращалась в настоящую пытку. Мы возвращались промерзшими до костей. Заледеневшее оружие приходилось отогревать возле костров из высохших стеблей подсолнухов.

Изо дня в день наше кольцо вокруг еловой рощи стягивалось все туже.

Дважды мы совершали дальние вылазки в чащу. Снег хрустел под ногами. Повсюду мы видели следы сапог. Однако ни одна ветка не шевельнулась, не треснул ни один выстрел. Партизанская война была войной внезапных ударов, а не открытых сражений.

Германские войска, расквартированные недалеко от нас, могли установить контакт с противником во время этих сухих звездных ночей. И тогда черные остовы изб появлялись на фоне золотых языков пламени, а красные могли попытаться отойти в нашем направлении.

Однажды они и появились где-то около 23.00. Лежа в снегу, мы открыли огонь из пулеметов. Очереди трассирующих пуль расцвели в ночи, словно букеты

диковинных цветов. В течение часа над степью метались пылающие стрелы. Наконец, убедившись в надежности нашего заграждения, красные вернулись в свои логова.

* * *

На северо-западной опушке леса на правом берегу Самары красные построили прочные бункеры.

Наши солдаты получили приказ атаковать вражеские позиции через замерзшую реку. Они попали под плотный огонь, как только подошли к берегу. Нашему подразделению предстояло пройти 25 метров стеклянного льда без всякого прикрытия под ураганным огнем. В этот день мы понесли серьезные потери, но бункеры были взяты, и красных вышвырнули на снег или вынудили бежать.

Русская земля приняла наших мертвых. Как много других еще падет мертвыми в снег или под сияющим солнцем, на Донце, на Дону, на Кавказе и в Эстонии? Эти первые багровые капли, рассеянные подобно лепесткам на снегу возле Самары, в своей несравненной чистоте были подобны первым лилиям и первым слезам.

* * *

Но мы были вынуждены оставить их могилы позади, потому что обязаны были догонять дивизию, которая спешила на фронт, точнее — на выступ в глубине Донецкого бассейна. В конце ноября, без перчаток, без зимних шапок, без полушубков, мы начали наш 200-километровый марш под ударами зимнего ветра, пронизывающего тонкие мундиры.

Ледяные дороги

В конце осени 1941 года лед совершенно изменил все дороги на Донце. Реки грязи превратились в реки застывшей неровной лавы. Грязь затвердела, в то время как сотни наших грузовиков продолжали перемешивать ее. Она затвердела и превратилась в сеть каменных гребней высотой до полуметра, похожих на черный мрамор. Эти заграждения имели ширину от 20 до 30 метров, и их прорезали глубокие колеи.

Отправлять обычную машину по таким колеям было совершенно бесполезно. Пассажирский автомобиль разбил бы свой бензобак уже на первом километре. Только тяжелые грузовики и вездеходы с высоко расположенными осями имели шанс проехать по этой подмерзшей корке. Лишь они могли перебраться через расселины.

Для пехотинцев этот марш стал форменным страданием. Мы почти не осмеливались поднимать ноги, предпочитая скользить. Падения были болезненными, так как лед стал твердым, словно железо.

Нам приходилось держать оружие наготове, чтобы вступить в бой при первой же тревоге. В то время в снаряжение пехотинца входило до 30 килограммов металла, не говоря уже о трехдневном пайке на время перехода и обычных пожитках. Требовалось немало усилий, чтобы удержаться на пылающих ногах. Мы были вынуждены разрезать жесткие задники своих ботинок ножами, чтобы сделать их немного свободнее. Каждый из нас стискивал зубы, чтобы удержать стоны боли. Иногда человек падал, когда его нервы не выдерживали напряжения. Хрипящего, с лицом, покры-

тым льдом, его забрасывали в первый же проходящий мимо грузовик на кучу буханок с хлебом или ящики с боеприпасами. Затем колонна возобновляла свое мучительное движение по глянцево-черной земле.

* * *

Тем не менее пейзаж все-таки выглядел приятным. Широкая белая степь была испещрена сотнями тысяч серых стеблей подсолнухов. Тучи воробьев, похожих на маленькие клочки шерсти, суматошно поднимались в воздух. Особенно красивым было небо, бледно-голубое, совершенно прозрачное и такое ясное, что мы легко могли различить даже отдельные ветви деревьев далеко на горизонте.

Крестьяне иногда показывали нам платаны или ряды старых берез, когда-то стоявших на границе владений помещика. От зданий прошлых времен не сохранилось не то что доски или камня, но даже следов фундамента. Все было разрушено до основания, сровнено с землей и засеяно чем-нибудь.

То же самое произошло и с большинством церквей. Некоторые из них еще сохранились, оскверненные много лет назад, и теперь использовались как гаражи, склады, конюшни или электростанции. Прекрасные зеленые и золотые купола-луковки все еще сверкали над белыми стенами. Иногда высоко под куполом мы видели разбитые остатки росписи, до которых не сумел добраться маляр со своей известкой. Полы церквей были засыпаны соломой и конским навозом. Впрочем, эти церкви-стойла, что для лошадей, что для автомобилей, что для советских чиновников, попадались довольно редко. В течение двух лет мы прошли

около 2000 километров пешком от Днепропетровска до порога Азии, но могли лишь по пальцам пересчитать уцелевшие церкви, которые встретили на этом пути.

* * *

В начале декабря мы прошли через Павлоград. Затем мы остановились в нескольких совершенно разоренных деревнях. Бушевала метель. Мы выходили в путь рано утром, когда хлопья снега били в лицо, облепляли нас и слепили. Мы тратили много времени на то, чтобы вытащить наши большие металлические повозки, груженные припасами, на дорогу. Лошади скользили и падали на скользком льду, ломая ноги. Бедные животные напрасно фыркали, задыхаясь в свистящем снегу, поднимались и снова падали, бешено бились и брыкались.

Снег шел так густо, что невозможно было определить, где в этой заснеженной степи проходит заснеженная тропа. Не было видно ни единого снопа соломы, которые русские, хорошо знающие свою страну, привязывают к столбам, чтобы обозначить дорогу, когда зимой снег закроет все вокруг.

Стрелки, указывающие нам дорогу, были занесены сугробами. Подразделения просто терялись в степи.

Еще больше осложняло дело то, что населенные пункты, между которыми мы проходили, за последние 25 лет два или три раза меняли свои названия. На старых картах сохранились названия царских времен. Карты 1925 года показывали названия, полученные деревнями сразу после революции, отливающие

красным, как глаза бешеного быка. На картах 1935 года стояли новые названия, напоминающие о советском боссе — подражания Сталинграду или Сталино. Иногда босс попадал в опалу и даже получал пулю в затылок в подвалах ГПУ, тогда населенный пункт получал четвертое название! С другой стороны, 50 или 60 деревень в русской степи могли иметь одни и те же названия, по именам царских сыновей и дочерей, принятых давным-давно и не смененных просто по лени.

Во время той части нашего перехода, которая привела нас в Гришино, мы целый день ходили кругами в метели и добрались до деревни, лишь пройдя 53 километра. Но после этого выяснилось, что это Гришино совсем не наше Гришино. Эта деревня не только трижды переименовывалась за 25 лет, но и имела двойника! Станция Гришино и деревня Гришино располагались на расстоянии 7 километров друг от друга! Типично русская путаница! В правильное Гришино мы прибыли только утром, продравшись сквозь снежные заносы глубиной по пояс.

Наша рота прибыла туда первой. Но прошли еще двое суток, прежде чем пришли другие, вдобавок одна рота вообще потерялась. Она блуждала целых 15 дней, все ее лошади издохли, и она догнала нас только на фронте под Рождество, сопровождая дико выглядящую колонну: большие белые волю были запряжены в ее железные повозки.

К несчастью, эта одиссея свелась не просто к ежедневной смене транспорта.

Местность, на которой мы попали под удар бешеной метели, была засеяна советскими минами. Снег совершенно укрыл их и снес оградительные вешки, расставленные здесь и там немецкими саперами.

Потерявшись в этой буре, которая несла пелену снега высотой три метра, одна из наших рот сослепу попала на советское минное поле. Молодой командир, бывший капитан бельгийской армии, носивший стандартную для нашей страны фамилию Дюпре, ехал впереди, когда его лошадь наступила на одну из этих дьявольских штук. Лошадь взлетела вверх на два метра и приземлилась с выпущенными кишками. Ее всадник беспомощно лежал на окровавленном снегу — ему оторвало обе ноги.

Воющая степь торжествовала победу. Нашим солдатам пришлось привязать к его раздробленным ногам два куска дерева, уложить несчастного капитана на еловые ветки и тащить прочь. Через несколько километров группа натолкнулась на заброшенную избу.

Прошли целых 26 часов, прежде чем санитарная машина притащилась на помощь к умирающему капитану. У него насчитали одиннадцать ран. Выкурив быстрыми затяжками сигарету, он попрощался с солдатами. Огромные капли пота выступили у него на лбу, когда началась агония. Он умер без единого слова сожаления, делая еще одну затяжку сигаретой.

* * *

После двух деревень Гришино мы прибыли в Александровскую. В СССР имеется около двух сотен Александровских, и мы прошли через них по пути на Донец.

Наконец мы выбрались в промышленный район. Мы достигли цели. Внезапная оттепель снова засунула нас в грязь. Но за раскисшим полем мы увидели сверкающий ледяной коркой город Щербиновка с на-

селением около 40 000 человек. Он известен своими угольными шахтами. Люди стояли на улицах неподвижные и молчаливые. Многие из них были очень хмурыми.

Большевистские войска отошли в степь на 3 километра к востоку, но мы чувствовали, что и у нас за спиной затаились коммунисты.

Рождество в Щербиновке

Линия Восточного фронта в декабре 1941 года постоянно менялась, как очертания песчаного пляжа под ударами волн. Каждая немецкая армия стремилась заплеснуть свою волну как можно дальше. Каждое подразделение обнаруживало, что в конце октября его пришила к месту предательская трясина. Его фланги справа и слева остались без прикрытия, оно лишь с большим трудом контролировало ситуацию и намерения противника, который бежал перед немецкими войсками с большой скоростью в полном беспорядке, сильно напомиавшем комедию.

С помощью грязи красные продемонстрировали некоторую способность к контратакам. Они отбили Ростов, который немцы были вынуждены оставить из-за нехватки топлива после того, как сами сожгли там сотни машин.

Вдохновленные местными успехами, красные возобновили осторожные попытки атаковать восточнее Донца, на левом фланге нашего сектора. От Славянска до Артемовска их войска перешли в наступление.

Давление русских начало ощущаться примерно в

20 километрах северо-восточнее наших блиндажей. Перед нашими позициями в Щербиновке противник сначала производил поиски.

Нашим колоннам снабжения требовались 50 часов, чтобы преодолеть 20 километров, которые отделяли нас от складов. Мотоцикл не мог их пересечь. Лошади умирали в пути от усталости, их туши тонули в грязи.

* * *

Щербиновка просто утонула в дерьме. Повсюду валялись кучи экскрементов, которые насыщали воздух зловонием.

Грязь и нищета города ясно показывали неспособность советского режима обустроить промышленные центры. Угольные шахты использовали оборудование 1900 или 1905 годов, приобретенное тогда на французские займы. Шахты, взорванные большевиками при отступлении, больше нельзя было использовать.

Точно так же обстояло дело и в других промышленных центрах России. Систематически, с дьявольским умением, команды советских специалистов уничтожали заводы, шахты, склады в каждом промышленном центре, большом или маленьком.

Выжженная земля! Выжженная дотла!

Они убивали даже лошадей, работавших глубоко внизу в шахтах. Омерзительный запах гниющих трупов затопил весь район, так как вентиляция шахт выходила прямо на улицы. Эти вентиляционные шахты были прикрыты деревянными решетками, через которые углекислый газ и удушающие миазмы разлагающихся трупов выходили совершенно свободно.

* * *

Большевики увозили или уничтожали все продовольствие в городе. Люди ели то, что могли найти. Гниющее мясо трупов животных, валявшихся в грязи, считалось деликатесом. Люди жестоко дрались из-за них.

Нам пришлось убить одну заболевшую лошадь, на которую страшно было смотреть из-за покрывавших все ее тело язв. Мы даже не успели найти телегу, чтобы вывезти тушу из города. Двадцать человек набросились на отвратительные останки, распоролы кожу и начали рвать еще дымящееся мясо.

В конце концов остались только потроха, еще более омерзительные, чем все остальное. Две старухи набросились даже на эту мерзость, каждая тянула кишки на себя. Они лопнули, покрыв обоих старух слоем желто-зеленой слизи. Победительница утащила львиную долю гадости, даже не потрудившись вытереть лицо, крепко прижимая добычу к груди.

Расквартирование наших войск стало частью проблем. Когда мы возвращались с позиций, нам приходилось набиваться в школу, построенную государством: три длинных здания, названные современными по тем же самым причинам, что и дома в Днепропетровске. Первый солдат, который попытался вбить гвоздь в стену, чтобы повесить свою винтовку, просто пробил стену ударом молотка. Пол был набран из отдельных досок, в щели между которыми свободно проходил воздух. Под этим так называемым полом не было ничего, так как здание стояло на сваях.

Между тремя зданиями было открытое пространство, настолько грязное, что пришлось проложить деревянные мостки на бревнах, чтобы переходить из одно-

го дома в другой. Вокруг школы также постоянно стояла ужасная вонь, что вызывало головные боли и насморк.

20 декабря вернулись снег и лед. Мы внезапно обнаружили, что температура упала до 20 градусов ниже нуля. Мы все дрожали на этом щелястом полу, каждый старался закутаться в свое одеяло.

Наступили праздники, но для других.

На Рождество мы были приглашены на ночную мессу в церковь, освященную нашим капелланом. Русский хор пел проникновенными, трогаящими сердце голосами. За окнами крупными хлопьями валил снег. Несколько наших солдат лежали за пулеметами на боевых постах по всем четырем углам здания.

Но наши души содрогались от пережитого за эти ужасные недели, хотя в глубине наших сердец все еще бродили некие неоформленные мечтания.

* * *

Европейские легионы, прославлявшиеся всеми газетами Рейха, на фронте в 1941 году столкнулись с неприкрытым скептицизмом. Некоторые немецкие генералы опасались, что в их элитные дивизии включат войска, присланные на восток исключительно ради пропаганды. Они не принимали в расчет энтузиазм и добрые чувства, присущие нашим добровольцам.

Нас сопровождало некоторое недопонимание.

Мы искренне ждали, когда же представится возможность, пусть даже кризис, который позволил бы всем оценить по заслугам наш идеализм. Все это время мы, неизвестные и непонятые, попусту растрачивали свои таланты на рутинные обязанности.

Мы весело провели Рождество и Новый год, запертые в наших прокуренных комнатах. Ясли, нарисованные углем на одной из грязных стен, напоминали нам о декабре, проведенном дома. Дымили несколько лампадок. Валяясь на соломе, мы бессмысленно тарасились в пространство. На вершине холма, на деревянных крестах, висели шлемы наших погибших товарищей, занесенные снегом, подобно белым хризантемам, упавшим с небес.

Итальянцы на Донце

На антисоветском фронте присутствовали войска многих союзников Германии.

На юге располагались легионы из Центральной Европы и с Балкан. Одиночные легионы, объединенные противником. Венгры и румыны были готовы выцарапать друг другу глаза за рощу буковых деревьев в Карпатах или десять метров люцернового поля в Пуште. Хорваты, большие славяне, чем украинцы, делились на мусульман и католиков.

В 1941 году самый большой контингент на Восточном фронте имели итальянцы. Их прибыло 60 тысяч человек, разделенные на три дивизии и многочисленные подразделения специалистов. Их можно было видеть повсюду — от Днепра до Донца, маленькие, смуглые, веселые, в своих чудных пилотках, они походили на райских птичек под своими берсальерскими шлемами, из которых торчали странно выглядящие в степи пучки петушиных и фазаньих перьев!

Итальянские винтовки больше всего походили на игрушки. Солдаты использовали их с большим искусством, для того чтобы перебить всех цыплят в округе.

красным, как глаза бешеного быка. На картах 1935 года стояли новые названия, напоминающие о советском боссе — подражания Сталинграду или Сталино. Иногда босс попадал в опалу и даже получал пулю в затылок в подвалах ГПУ, тогда населенный пункт получал четвертое название! С другой стороны, 50 или 60 деревень в русской степи могли иметь одни и те же названия, по именам царских сыновей и дочерей, принятых давным-давно и не смененных просто по лени.

Во время той части нашего перехода, которая привела нас в Гришино, мы целый день ходили кругами в метели и добрались до деревни, лишь пройдя 53 километра. Но после этого выяснилось, что это Гришино совсем не наше Гришино. Эта деревня не только трижды переименовывалась за 25 лет, но и имела двойника! Станция Гришино и деревня Гришино располагались на расстоянии 7 километров друг от друга! Типично русская путаница! В правильное Гришино мы прибыли только утром, продравшись сквозь снежные заносы глубиной по пояс.

Наша рота прибыла туда первой. Но прошли еще двое суток, прежде чем пришли другие, вдобавок одна рота вообще потерялась. Она блуждала целых 15 дней, все ее лошади издохли, и она догнала нас только на фронте под Рождество, сопровождая дико выглядящую колонну: большие белые волю были запряжены в ее железные повозки.

К несчастью, эта одиссея свелась не просто к ежедневной смене транспорта.

Местность, на которой мы попали под удар бешеной метели, была засеяна советскими минами. Снег совершенно укрыл их и снес оградительные вешки, расставленные здесь и там немецкими саперами.

Потерявшись в этой буре, которая несла пелену снега высотой три метра, одна из наших рот сослепу попала на советское минное поле. Молодой командир, бывший капитан бельгийской армии, носивший стандартную для нашей страны фамилию Дюпре, ехал впереди, когда его лошадь наступила на одну из этих дьявольских штук. Лошадь взлетела вверх на два метра и приземлилась с выпущенными кишками. Ее всадник беспомощно лежал на окровавленном снегу — ему оторвало обе ноги.

Воющая степь торжествовала победу. Нашим солдатам пришлось привязать к его раздробленным ногам два куска дерева, уложить несчастного капитана на еловые ветки и тащить прочь. Через несколько километров группа натолкнулась на заброшенную избу.

Прошли целых 26 часов, прежде чем санитарная машина притащилась на помощь к умирающему капитану. У него насчитали одиннадцать ран. Выкурив быстрыми затяжками сигарету, он попрощался с солдатами. Огромные капли пота выступили у него на лбу, когда началась агония. Он умер без единого слова сожаления, делая еще одну затяжку сигаретой.

* * *

После двух деревень Гришино мы прибыли в Александровскую. В СССР имеется около двух сотен Александровских, и мы прошли через них по пути на Донец.

Наконец мы выбрались в промышленный район. Мы достигли цели. Внезапная оттепель снова засунула нас в грязь. Но за раскисшим полем мы увидели сверкающий ледяной коркой город Щербиновка с на-

селением около 40 000 человек. Он известен своими угольными шахтами. Люди стояли на улицах неподвижные и молчаливые. Многие из них были очень хмурыми.

Большевистские войска отошли в степь на 3 километра к востоку, но мы чувствовали, что и у нас за спиной затаились коммунисты.

Рождество в Щербиновке

Линия Восточного фронта в декабре 1941 года постоянно менялась, как очертания песчаного пляжа под ударами волн. Каждая немецкая армия стремилась заплеснуть свою волну как можно дальше. Каждое подразделение обнаруживало, что в конце октября его пришила к месту предательская трясина. Его фланги справа и слева остались без прикрытия, оно лишь с большим трудом контролировало ситуацию и намерения противника, который бежал перед немецкими войсками с большой скоростью в полном беспорядке, сильно напомиравшем комедию.

С помощью грязи красные продемонстрировали некоторую способность к контратакам. Они отбили Ростов, который немцы были вынуждены оставить из-за нехватки топлива после того, как сами сожгли там сотни машин.

Вдохновленные местными успехами, красные возобновили осторожные попытки атаковать восточнее Донца, на левом фланге нашего сектора. От Славянска до Артемовска их войска перешли в наступление.

Давление русских начало ощущаться примерно в

20 километрах северо-восточнее наших блиндажей. Перед нашими позициями в Щербиновке противник сначала производил поиски.

Нашим колоннам снабжения требовались 50 часов, чтобы преодолеть 20 километров, которые отделяли нас от складов. Мотоцикл не мог их пересечь. Лошади умирали в пути от усталости, их туши тонули в грязи.

* * *

Щербиновка просто утонула в дерьме. Повсюду валялись кучи экскрементов, которые насыщали воздух зловонием.

Грязь и нищета города ясно показывали неспособность советского режима обустроить промышленные центры. Угольные шахты использовали оборудование 1900 или 1905 годов, приобретенное тогда на французские займы. Шахты, взорванные большевиками при отступлении, больше нельзя было использовать.

Точно так же обстояло дело и в других промышленных центрах России. Систематически, с дьявольским умением, команды советских специалистов уничтожали заводы, шахты, склады в каждом промышленном центре, большом или маленьком.

Выжженная земля! Выжженная дотла!

Они убивали даже лошадей, работавших глубоко внизу в шахтах. Омерзительный запах гниющих трупов затопил весь район, так как вентиляция шахт выходила прямо на улицы. Эти вентиляционные шахты были прикрыты деревянными решетками, через которые углекислый газ и удушающие миазмы разлагающихся трупов выходили совершенно свободно.

* * *

Большевики увозили или уничтожали все продовольствие в городе. Люди ели то, что могли найти. Гниющее мясо трупов животных, валявшихся в грязи, считалось деликатесом. Люди жестоко дрались из-за них.

Нам пришлось убить одну заболевшую лошадь, на которую страшно было смотреть из-за покрывавших все ее тело язв. Мы даже не успели найти телегу, чтобы вывезти тушу из города. Двадцать человек набросились на отвратительные останки, распоролы кожу и начали рвать еще дымящееся мясо.

В конце концов остались только потроха, еще более омерзительные, чем все остальное. Две старухи набросились даже на эту мерзость, каждая тянула кишки на себя. Они лопнули, покрыв обоих старух слоем желто-зеленой слизи. Победительница утащила львиную долю гадости, даже не потрудившись вытереть лицо, крепко прижимая добычу к груди.

Расквартирование наших войск стало частью проблем. Когда мы возвращались с позиций, нам приходилось набиваться в школу, построенную государством: три длинных здания, названные современными по тем же самым причинам, что и дома в Днепропетровске. Первый солдат, который попытался вбить гвоздь в стену, чтобы повесить свою винтовку, просто пробил стену ударом молотка. Пол был набран из отдельных досок, в щели между которыми свободно проходил воздух. Под этим так называемым полом не было ничего, так как здание стояло на сваях.

Между тремя зданиями было открытое пространство, настолько грязное, что пришлось проложить деревянные мостки на бревнах, чтобы переходить из одно-

го дома в другой. Вокруг школы также постоянно стояла ужасная вонь, что вызывало головные боли и насморк.

20 декабря вернулись снег и лед. Мы внезапно обнаружили, что температура упала до 20 градусов ниже нуля. Мы все дрожали на этом щелястом полу, каждый старался закутаться в свое одеяло.

Наступили праздники, но для других.

На Рождество мы были приглашены на ночную мессу в церковь, освященную нашим капелланом. Русский хор пел проникновенными, трогаящими сердце голосами. За окнами крупными хлопьями валил снег. Несколько наших солдат лежали за пулеметами на боевых постах по всем четырем углам здания.

Но наши души содрогались от пережитого за эти ужасные недели, хотя в глубине наших сердец все еще бродили некие неоформленные мечтания.

* * *

Европейские легионы, прославлявшиеся всеми газетами Рейха, на фронте в 1941 году столкнулись с неприкрытым скептицизмом. Некоторые немецкие генералы опасались, что в их элитные дивизии включат войска, присланные на восток исключительно ради пропаганды. Они не принимали в расчет энтузиазм и добрые чувства, присущие нашим добровольцам.

Нас сопровождало некоторое недопонимание.

Мы искренне ждали, когда же представится возможность, пусть даже кризис, который позволил бы всем оценить по заслугам наш идеализм. Все это время мы, неизвестные и непонятые, попусту растрачивали свои таланты на рутинные обязанности.

Мы весело провели Рождество и Новый год, запертые в наших прокуренных комнатах. Ясли, нарисованные углем на одной из грязных стен, напоминали нам о декабре, проведенном дома. Дымили несколько лампадок. Валяясь на соломе, мы бессмысленно таранились в пространство. На вершине холма, на деревянных крестах, висели шлемы наших погибших товарищей, занесенные снегом, подобно белым хризантемам, упавшим с небес.

Итальянцы на Донце

На антисоветском фронте присутствовали войска многих союзников Германии.

На юге располагались легионы из Центральной Европы и с Балкан. Одиночные легионы, объединенные противником. Венгры и румыны были готовы выцарапать друг другу глаза за рощу буковых деревьев в Карпатах или десять метров люцернового поля в Пуште. Хорваты, большие славяне, чем украинцы, делились на мусульман и католиков.

В 1941 году самый большой контингент на Восточном фронте имели итальянцы. Их прибыло 60 тысяч человек, разделенные на три дивизии и многочисленные подразделения специалистов. Их можно было видеть повсюду — от Днепра до Донца, маленькие, смуглые, веселые, в своих чудных пилотках, они походили на райских птичек под своими берсальерскими шлемами, из которых торчали странно выглядящие в степи пучки петушиных и фазаньих перьев!

Итальянские винтовки больше всего походили на игрушки. Солдаты использовали их с большим искусством, для того чтобы перебить всех цыплят в округе.

Мы весело провели Рождество и Новый год, запертые в наших прокуренных комнатах. Ясли, нарисованные углем на одной из грязных стен, напоминали нам о декабре, проведенном дома. Дымили несколько лампадок. Валяясь на соломе, мы бессмысленно таранились в пространство. На вершине холма, на деревянных крестах, висели шлемы наших погибших товарищей, занесенные снегом, подобно белым хризантемам, упавшим с небес.

Итальянцы на Донце

На антисоветском фронте присутствовали войска многих союзников Германии.

На юге располагались легионы из Центральной Европы и с Балкан. Одиночные легионы, объединенные противником. Венгры и румыны были готовы выцарапать друг другу глаза за рощу буковых деревьев в Карпатах или десять метров люцернового поля в Пуште. Хорваты, большие славяне, чем украинцы, делились на мусульман и католиков.

В 1941 году самый большой контингент на Восточном фронте имели итальянцы. Их прибыло 60 тысяч человек, разделенные на три дивизии и многочисленные подразделения специалистов. Их можно было видеть повсюду — от Днепра до Донца, маленькие, смуглые, веселые, в своих чудных пилотках, они походили на райских птичек под своими берсальерскими шлемами, из которых торчали странно выглядящие в степи пучки петушиных и фазаньих перьев!

Итальянские винтовки больше всего походили на игрушки. Солдаты использовали их с большим искусством, для того чтобы перебить всех цыплят в округе.

Мы познакомились с ними, как только прибыли в Днепропетровск. Очень скоро мы высоко оценили их инициативу и подготовку. Они сидели вокруг огромной бочки, которая стояла без охраны на железнодорожной платформе. Она была полна до краев прекрасным кьянти. В боку этой огромной емкости итальянцы провертели маленькую дырочку, из которой вино текло через соломинку.

Наши пьяницы не могли пройти мимо и возвращались раз за разом к этому чудесному источнику, напоминавшему старые бургундские свадьбы времен Карла Лысого или Филиппа Доброго. Итальянцы, уверенные в неисчерпаемости источника — в бочке помещались 2000 литров, — охотно делились с нами. С этого момента валлонские добровольцы побратались с итальянцами, и мы были в восторге от сотрудничества, наладившегося на Восточном фронте.

* * *

Фронт не представлял собой единую непрерывную линию, скорее это была цепь опорных пунктов. Слева и справа от наших позиций в Щербиновке был только снег. Чтобы добраться до ближайшего итальянского поста, а сектор итальянцев шел на юг до Сталино, нам требовалось ехать два часа по степи.

Мы часто отправлялись туда поболтать в перерыве между боями. Конечно, некоторое значение имели их лимоны и их кьянти. Но нас привлекало их обаяние.

Осложняло ситуацию то, что они недолюбливали немцев. Те, в свою очередь, не скрывали своего презрения к итальянцам. Немцы не желали терпеть их

эксцентричное поведение и латинскую беззаботность, видя в них непочтительность, праздность, фривольность, столь отличающиеся от прусской строгости и порядка.

Наоборот, итальянцы плевались, когда слышали немецкие призывы к вниманию и выкрикнутые приказы. Они выражали несогласие, засовывая руки в карманы, нося свои пышные плюмажи и проделывая всяческие эскапады.

Их чувство национализма тоже было откровенно различным. Итальянцы любили Муссолини и раз за разом кричали: «Ду-че! Ду-че! Ду-че!» — пока не начинали хрипеть. Однако такие припадки носили чисто сентиментальный характер. Мечты Муссолини об имперском величии не трогали их. Они были гордыми, точно петухи, но без амбиций.

Однажды, когда они высказали желание заключить мир любой ценой, я возразил:

«Но если вы не будете сражаться до конца, вы наверняка потеряете свои колонии».

«Ба! — отвечали они. — Ну и что хорошего, чтобы погибать ради колоний? Мы счастливы дома. Нам ничего не нужно. У нас есть солнце. У нас есть фрукты. У нас есть любовь...»

Такая философия имела сторонников. Гораций сказал то же самое, хотя не столь прямо.

Точно так же они находили абсолютно бесполезной тяжелую работу. Наша идея работы оставляла их равнодушными. Зачем работать так много? И снова они мягкими, звучными голосами затягивали привычную песню: солнце, фрукты, любовь...

«В конце концов, работа приносит радость! Разве другие нации не любят работать?» — настаивал я.

Затем итальянцы с юга с царственным величием предлагали мне ответить на великолепный в своей простоте и наивности вопрос:

«А чем, собственно, хороша работа?»

Действительно, чем? Когда немцы слышали такие дебаты, они задыхались от возмущения и вполне могли получить инфаркт.

* * *

К несчастью для итальянцев, дневные и ночные дежурства были обязательными, хотя они считали благодарным занятием торчать в снегу на холоде.

Очень часто часовые в массовом порядке покидали свои посты, чтобы отправиться в тепло в ближайшую избу, где они сидели, болтали, шутили, бездельничали и внимательно изучали прелести местных красавиц.

Русские наконец решили этим воспользоваться. Наши приятные товарищи с другой стороны Альп дорого заплатили за латинскую беспечность.

Однажды ночью в южной части нашего сектора сильное подразделение казаков проскользнуло на своих выносливых лошадках по глубокому снегу. На рассвете они окружили три деревни, занятые итальянцами, но не имевшие никакого охранения, так как часовые в это время либо спали, либо занимались любовью. Они были захвачены врасплох.

Большевики крепко отыгрались на итальянцах. Русские ненавидели их даже сильнее, чем немцев, и на Восточном фронте обращались с ними с исключительной жестокостью. В мгновение ока русские захватили все три деревни. Никто не успел среагировать. Затем итальянцев приволокли в угольные ямы, раздели до-

гола. А затем начались пытки. Казаки притащили большие ведра ледяной воды. С грубым смехом они выливали воду на тела своих жертв на морозе, который достигал 35 градусов ниже нуля. Все пленные из этих трех деревень были заморожены заживо.

Никто не спасся, даже врачи. Даже священник, который превратился в мраморную статую, также подвергнувшись пытке водой и морозом. Через два дня три деревни были отбиты. Обнаженные тела лежали повсюду на снегу, скрюченные, словно люди умерли в огне.

С этого момента итальянские части на Донце были усилены немецкими танками. Эти танки, полностью выкрашенные в белый цвет, разъезжали по дорогам, фыркая моторами.

* * *

Это было необходимо.

Красные становились все более и более активными. Слева от нас, справа от нас они нанесли несколько сильных ударов. Днем и ночью степь сотрясала артиллерийская стрельба. Появились советские самолеты. Их бомбы выбивали огромные серые кратеры вокруг нас.

Холод постепенно становился все сильнее. К середине января температура упала до 38 градусов ниже нуля.

Морды наших маленьких лошадок покрылись льдом. Из их ноздрей, мокрых от крови, красные капли летели одна за другой на дорогу, оставляя позади дорожку, похожую на россыпь красных гвоздик.

Воющая степь

Жизнь в наших логовищах в Щербиновке стала невыносимой.

Используя солому, мы более или менее заткнули дыры в окнах, половина которых была просто перебитая красными при отступлении. Но ледяные укусы зимы не прекращались, она атаковала нас, со свистом влетая сквозь щели в полу. Чтобы устроиться на ночь, нам приходилось использовать все наши скудные пожитки, и даже тогда мы засовывали ноги в рукава шинелей. Но что могли дать наши шинели и легкие одеяла плюс пара охапок соломы для защиты от ветра, который с воем врвался в наши хижины, прилетая из проклятой степи?

Мы кололи маргарин, сосиски и хлеб, твердые, словно камень, с помощью топора. Несколько яиц, которые наши интенданты доставили нам, прибыли промерзшие насквозь и какие-то серые.

Вот такими были часы нашего отдыха.

Наши передовые позиции располагались в 3 километрах от Щербиновки. Мы шли туда отделениями по снегу глубиной до полуметра, и температура в это время изменялась от 25 до 35 градусов ниже нуля.

Некоторые роты пытались вырыть блиндажи в горах пустой породы возле угольных шахт. Другие располагались посреди степи.

Снег еще можно было терпеть. Но совершенно ужасными были сильнейшие ветра. Они ревели, они выли пронзительными голосами, швыряя нам в лицо тысячи острых иголок.

Мы наконец получили несколько зимних шапок, которые прикрывали шею и уши, а также несколько тон-

ких вязаных варежек, которые плохо защищали руки. Но у нас не было ни полушубков, ни валяных сапог.

Любой, кто хоть на минуту снимал варежки, моментально отмораживал себе пальцы. Мы носили зимние шапки, надвинув их до самого носа. Дыхание, проходя сквозь шапку, тут же застывало кусками льда напротив рта. Белые лохмы поднимались до самых бровей. Наши слезы замерзали, превращаясь в большие жемчужины, которые склеивали ресницы, причиняя серьезную боль, а когда мы пытались их разъединить, боль становилась еще сильнее. В любой момент нос и щеки могли стать бледно-желтыми, как кожа на барабане. Чтобы избежать обморожений, нам приходилось яростно растирать кожу снегом. Но слишком часто это была запоздалая мера.

* * *

Ужасные зимние метели дали советским войскам очевидное преимущество.

Русские использовали такую погоду. В этом им помогали их лыжи, их собаки, их сани, их мохнатые лошадки. Они были тепло одеты, чтобы не поддаваться холоду: шерстяные жилеты, валенки, которые не поддавались снегу, сухому, как толченное стекло. Они безусловно пользовались превосходством над тысячами мучающихся европейских солдат, которых бросили в опрометчивое наступление по снегу под ударами зимнего ветра, по льду, но без соответствующего обмундирования и без нужной подготовки.

Красные просачивались всюду. Их шпионы, замаскированные под обычных жителей, пробирались между нашими постами, попадали в промышленные цен-

тры и находили там сообщников. Огромное большинство крестьян игнорировало коммунизм, хотя и было вынуждено выполнять некоторые требования, но в городах советская пропаганда отравила молодых рабочих. Именно к ним обращались шпионы Красной Армии, преданные и отважные лидеры.

Я входил в расстрельный взвод, который должен был казнить двух человек, приговоренных военным трибуналом.

Когда мы вышли в степь, то построились в шеренгу. Двое осужденных, держа руки в карманах, не сказали ни слова. Наш залп бросил их на землю. Последовала минута тишины, когда стволы винтовок отдачей подбросило вверх. Один из двух коммунистов шевелился, словно цеплялся за остатки жизни. Его правая рука выскочила из кармана и поднялась в воздух над снегом, сжатая в кулак. И мы услышали крик, последний выкрик на немецком языке, который поняли все: «Хайль Сталин!»

И уже мертвец уронил руку на снег.

Эти люди тоже имели свои идеалы.

В целом русские, которых приговаривали к смертной казни, принимали свою судьбу с покорностью фаталистов, бледные, уронив руки.

Чтобы избежать волнений среди солдат и нанести удар по настроению народа, немцы решили вешать захваченных шпионов. Приговоренные русские выходили на место казни подавленные, с пустыми глазами. Они поднимались на стул, который, в свою очередь, стоял на столе. Там они стояли, не протестуя, и ни о чем не просили. Над ними висела петля, которую надевали на шею. Что было, то было. А затем... Удар опрокидывал стул, и трагедия заканчивалась.

Однажды немцам пришлось казнить одновременно пятерых приговоренных мужчин. Один из повешенных оборвал веревку и упал на землю. Он поднялся, не говоря ни слова, поставил стул обратно на стол и взобрался на него, чтобы дождаться, пока приготовят новую петлю.

В глубинах этих сердец жили восточный фатализм, детское неведение, а также давно выработанная привычка к страданиям и побоям. Они не восставали против смерти. Они пассивно принимали смерть, как принимали и все остальное: завшивевшую избу, кнут дворянства и коммунистическое рабство.

Вторая половина января 1942 года оказалась довольно напряженной. Большие массы советских войск пришли в движение. Советские самолеты бомбили нас три или четыре раза в день.

Мы все еще не понимали, что происходит.

Советские элитные соединения, переброшенные из Сибири, пересекли замерзшую реку Донец севернее нашего промышленного района. Они обошли с фланга немецкие укрепления и вышли к важным железнодорожным линиям, особенно ветке Киев — Полтава — Славгород. Они разгромили несколько тыловых складов, а потом повернули на запад. Русские и сибиряки глубоко прорвались в направлении Днепра. Противник угрожал отрезать всю Группу Армий «Юг». Они уже форсировали реку Самару. Некоторые подразделения казаков были замечены всего в 12 километрах от Днепропетровска.

Немецкое командование поспешно собрало силы для контрудара.

Контрнаступление, когда столбик термометра колеблется между 35 и 40 градусами ниже нуля!

Мы не сомневались в том, что нас ждет, и спешно приготoвились к выступлению.

В ту же самую ночь нас сменили. В 04.00 мы уже шагали следом за повозками в жуткую метель, которая несла массы снега, совершенно ослепив нас.

Мы совершенно не знали, куда направляемся. Однако настал наш час славы и крови.

Казаки

Если я правильно помню, это произошло 26 января 1942 года.

Мы не знали точно, насколько продвинулись сибирские войска на своих собачьих упряжках, ни казаки на своих низкорослых лошаденках, которые могли вынести все, что угодно.

Противник не мог быть слишком далеко. Это все, что нам требовалось знать. Мы, простые фронтовые солдаты, знали немного, и я знал не больше своих товарищей, так как был простым солдатом и жил вместе со своими товарищами, не имея контактов даже с командованием роты.

Нашей известной целью во второй раз стал район вокруг Гришино, находящегося в 60 километрах к северо-западу от Щербиновки. Несомненно, что во время марша мы находились довольно близко к противнику. Во время первой фазы перехода у нас был приказ по возможности срезать повороты.

Для начала нашей колонне потребовались четыре часа, чтобы подготовиться к маршу в условиях метели. Мы ничего не видели на десять метров впереди себя. Когда мы вышли в поле, метель обрушилась на нас со всех сторон. Дорога поднималась и опускалась, про-

ходя по пологим холмам. Мы тащили с собой несколько Stahlwagen — стальных вагонов, весивших сотни килограммов. Они прекрасно подходили для мощных и асфальтированных дорог Европы, но были абсолютно бесполезны в заснеженной обледенелой степи. Русские крестьяне использовали только сани или деревянные телеги с узкими, очень высокими колесами. Наши огромные катафалки с бренчанием неслись вниз по склонам, несмотря на тормоза. Некоторые лошади падали, вагоны переворачивались. На подъемах нам приходилось толкать их, каждый вагон по 20 человек сразу. В результате через несколько часов эти самые Stahlwagen застряли или лежали перевернутыми вдоль степной дороги.

Хотя первый отрезок марша составлял всего 12 километров, мы были вынуждены тяжело пахать всю ночь. Лишь в 18.00 на следующий день прибыли все наши припасы. Подойдя к деревне, мы застали там четверых сибиряков, которых убили в ходе короткой схватки.

* * *

В 05.00 на следующий день мы возобновили движение. Снежные вихри утихли, но мороз стал еще более жестоким. Ночью он обработал тропу, которая стала скользкой, как каток, но была припорошена снегом. Лошади просто не могли идти вперед. Несколько сломали ноги. К полудню мы продвинулись не более чем на километр.

Впереди нас лежала вторая долина, в которую метель намела огромное количество снега. Весь батальон был вынужден работать, копая в снегу траншею

50 метров длиной и 3 метра глубиной. Втащить Stahlwagen по крутому склону было адовой работой. Только в 21.00 мы сумели проделать это с первым из них. А всего за 16 часов мы прошли только 3 километра!

Мы загнали наших лошадей в сарай. Лишь несколько человек сумели найти там место и для себя. Крестьяне сообщили, что в 4 километрах дальше находится деревушка на другом конце небольшой лощины. И вот в свете луны мы снова вышли на дорогу. Временами снежные заносы доходили до пояса. Наконец мы добрались до нескольких изб, причем более жалких мы даже еще и не видели.

В 22.00 мы расселись на твердой утрамбованной земле в одной из хижин. В эту же комнату набились и гражданские, которые наверняка ожидали прихода сибиряков. Беременная молодая женщина, красная, как рак, переходила по кругу от мужика к мужику в свете керосинки. Она была одета только в длинную рубаху, спускавшуюся ниже пояса. Она вульгарно болтала и продолжала домашние дела, пока не закончила.

Затем она вскарабкалась на печку и сделала несколько громких замечаний, но мужчины, сделав свое дело, уже храпели. Шевелились животные. В избе воцарилось невообразимо.

В 06.00 мы вернулись к своим повозкам и снова нырнули в снег. С вершины плато мы могли видеть роту, которая застряла накануне ночью, пытаясь толкать свои металлические вагоны. Они так и не завершили подъем до наступления ночи.

Я был послан в патруль для поисков места расквартирования в направлении большого совхоза, который

появился в 4 или 5 километрах на востоке. Мы отправились в путь в 15.00, используя тройку, запряженную в сани.

В совхозе все было в порядке, там слонялась масса мужиков. Все дома, где можно было жить, имели все тот же земляной пол и были набиты молодыми телятами, которые стояли возле печи, спасаясь от холода. Так как никаких удобств в избе не наблюдалось, они опирались прямо на пол. Поэтому вонь стояла неопишуемая.

Один из моих товарищей отправился обратно на санях, чтобы привести солдат. Со мной остался бывший шахтер из Бориньяжа, имя которого сразу вызвало в памяти классические поэмы: Ашиль Роланд. Гражданские выглядели довольно рассудительными. Несколько советских самолетов пролетели над совхозом и сбросили пачки листовок, объявляющих о скором приходе Красной Армии. Наши туземцы с интересом разглядывали окрестные холмы и небо.

Примерно в 14.00 появились силуэты нескольких всадников. Мужики обменялись короткими понимающими взглядами. Они искоса смотрели нам поверх голов и украдкой ухмылялись.

* * *

В 16.00 ни один из наших товарищей так и не появился.

Мы ожидали, что казаки вот-вот выскочат из-за угла ближайшей фермы, я даже снял свой пулемет с предохранителя. Оружие может принести какую-то пользу. На поясе у нас висели ручные гранаты, с помо-

щью которых можно будет быстро успокоить мужиков, если им вздумается атаковать нас с тыла.

Они оставались спокойными, но несколько заинтересованными. Красивая молодая украинка, которая знала несколько слов по-немецки, подошла к нам. Ей было не более 16 лет, в ее прекрасных волосах играли коричневые и золотые отблески. Она следила за действиями нашего отделения и тайно дарила нам ободряющие взгляды. Она благородно пригласила нас поближе к печке, как своих маленьких телят, и так же напоила молоком, таким же белым, как ее кожа.

Снаружи снова разыгралась метель. Время от времени я выглядывал с гранатой в руке, чтобы осмотреть окрестности. Было понятно, что наши товарищи так и не сумеют добраться до нас. Да и вообще, где они? Или они уже все погибли после атаки сибиряков или казаков прямо на плато, где они трудолюбиво тащили свои металлические повозки?

Спустилась ночь. 20.00. Никто так и не пришел. Мужики все еще ждали. Очевидно, им очень хотелось перерезать нам горло, но лента, вставленная в пулемет, останавливала их. Наконец они улеглись на землю среди молодой скотины.

Ветер завывал и с силой бросался в открытую деревянную дверь, которая вела в коридор, швырял в нас хлопья снега. Мы спрашивали сами себя, что же случится, когда мы встанем.

Наконец мой товарищ решил провести разведку в том направлении, где должна была находиться наша рота. В темноте я с трудом разглядел часы, вроде было около 05.00. Бесстрашный Ашиль исчез в метели.

Через час он появился снова, превратившись в

Санта-Клауса под кубометром снега, который налип на него. Отворачиваясь от ветра и отряхивая снег, он поинтересовался: «А ты совершенно уверен во времени? Снаружи так темно!»

Мы вместе посмотрели на часы. Время всего лишь 01.30! В темноте мы перепутали стрелки и приняли полпервого за пять часов! Бедный Ашиль только фыркнул, когда зашел погреться после пронизывающего холода. Затем, расположившись рядом с пулеметом, мы стали ждать рассвета.

Он пришел, но он один, и только. Буря была настолько фантастической, что мы просто не могли представить, чтобы наши пехотинцы все-таки сумели добраться до нас. Прошел день, прошли два дня. Если буйство стихий прекратится, то казаки смогут перерезать дорогу. Внезапно в 11.00 перед дверями резко развернулись сани, забросив снег аж на крышу. Унтер-офицер валлон, мой бывший садовник в Брюсселе, продрался сквозь бурю, хотя для этого ему пришлось загнать чуть не насмерть четырех лошадей. Впрочем, одна из них сдохла именно в тот момент, когда он добрался до фермы.

Перехватив вожжи, мы пустили лошадей в галоп. Русские, несмотря на свистящую метель, выбежали на порог совхоза и следили за нами блестящими глазами. Но симпатичная маленькая украинская девушка, стоявшая за спинами этих бедняг, послала нам воздушный поцелуй. Это стоило десятка подобных приключений.

Через час мы присоединились к своему отделению, которое все еще торчало на вершине холма. Когда человек попытался сказать нам что-то поверх гребня,

его просто швырнуло на землю порывом ветра. Люди прижимались друг к другу в сарае рядом с лошадьми. Больше мы ничего не могли сделать. Оставалось только ждать. Степь оказалась сильнее нас.

Мы ждали.

* * *

На следующее утро ветер утих, и мы выслали несколько взводов на дорогу. Снег метровой толщины покрывал землю, но мы больше не могли оставаться на прежнем месте.

Наша колонна еще строилась, чтобы двинуться в путь, когда на горизонте показались серые точки. Через полчаса к нам присоединилась странная процессия: наш командир, который отправился нас встречать, гнал перед собой 180 русских. С помощью лопат они должны были расчистить путь в бескрайнем океане снега. Таким образом, мы сумели пройти около 20 километров, используя штыки, чтобы сбивать снег, постоянно налипающий на ботинки. К рассвету мы пробили коридор шириной 4 метра до села под названием Экономическое.

Но мы так и не получили отдыха. В полночь были замечены 300 казаков. Нам пришлось занимать позиции в снегу у подножья чудесной мельницы, ее большие черные крылья матово сияли в лунном свете. Степь была огромным бело-голубым покрывалом, усыпанным сверкающими кристаллами. Миллионы звезд блестели в ночи. Они образовали мягко сияющую дорожку через все небо. Это было настолько прекрасно, что мы чуть не забыли о лютom морозе, который терзал наши тела.

В полдень, пройдя еще 15 километров, мы вступили в Гришино.

В течение нескольких дней село подвергалось бомбежкам с воздуха такой силы, каких ранее русские еще не проводили. Все кварталы были разнесены вдребезги. Казаки и сибиряки стояли у ворот населенного пункта. Если они захватят Гришино, одна из крупнейших железных дорог и важная развязка на Донце будут потеряны.

Мы должны были готовиться к надвигающейся битве. Мы устроились в школьном здании, в котором сохранилось только одно окно. Каждый из нас имел с собой два тонких одеяла, которые никак не могли защитить от температуры 40 градусов ниже нуля.

Никто не может представить себе, как в такой холод можно жить в совершенно открытом здании. Было невозможно заснуть ни на миг. Там невозможно было даже сидеть.

Тем не менее у нас не было времени предаваться философствованиям относительно наших несчастий. В 01.00 командиры наконец распределили нас по ротам, мы должны были перейти в контрнаступление.

Роза Люксембург

Зима 1941 — 1942 годов была самой ужасной, какую только пережила Россия за последние 150 лет.

Конечно, те немецкие соединения, которые находились в относительно теплых районах, сумели приспособиться, насколько это было возможно, к этим ужасным температурам и отсутствию теплой одежды. Другие испытали страшный шок, когда внезапно обнаружили, что находятся на пути прорыва советских

войск. Им пришлось пережить самые необыкновенные приключения, часто они попадали в окружение, сражались мелкими группами, переходили в героические контратаки.

В районе Донца шли особенно ожесточенные бои. Против нас русские выставили великолепные войска и глубоко прорвались в наш тыл. Сначала они были остановлены, а потом отброшены назад, но это удалось только ценой огромных усилий. Однако один большой советский котел все-таки остался посреди Донца. Его удалось уничтожить только к концу мая 1942 года, когда началась битва за Харьков.

В начале 1942 года кризис достиг своего пика. Русские находились уже в нескольких километрах от Днепра. Немецкое контрнаступление должно было развиваться исключительно энергично. Так и произошло.

Верховное командование подтягивало войска к месту наступления, используя все виды транспорта.

Однако в феврале в его распоряжении было не слишком много дорог.

Вот так и получилось, что 3 февраля мы отправились в бой в нескольких вагонах, которые тащили снегоочистители. Снег был настолько глубоким, что затруднял наше движение. Но железнодорожная линия не была взорвана. Мы продолжали гнаться за противником наравне с повозками, которые тащили лошади!

* * *

В качестве пайка нам выдали большие круглые буханки, которые мы старались привязать, как получится, к ранцам или пристроить на груди. Нам приходилось тащить на себе вообще все на свете, включая

оружие и боеприпасы. Никаких лошадей и повозок нам не выделили. Поэтому на нас навьючили больше, чем может нести человек. Например, пулеметчики вроде меня волокли более 40 килограммов, из которых 30 приходилось на пулемет и коробки с лентами.

После того как снегоочистители двинулись в путь, мы проползли 20 километров за 14 часов. Вагоны, конечно, не имели никакого отопления. Пол был твердым и холодным, как камень. Холод все больше усиливался, утром было уже 42 градуса ниже нуля. Сорок два градуса! Чтобы не замерзнуть насмерть, мы были вынуждены постоянно бегать по вагону друг за другом.

Мы почти падали от изнеможения после этого безумного танца в течение нескольких часов, однако от этих плясок зависела наша жизнь. Один из наших товарищей все-таки свалился от усталости. Он улегся в углу. Полагая, что он спит, мы потрясли его, однако он замерз. На остановке мы сумели собрать немного снега. Мы растирали его с головы до ног в течение 50 минут. Затем он вернулся к жизни, испустив протяжный стон, как корова, которую ведут на бойню. После этого он провалялся в госпитале целых полтора года и вышел оттуда, потеряв ноги.

Паровоз отбрасывал в сторону массу снега высотой более двух метров. Наконец он остановился перед стеной льда, уже совершенно непроходимой. Кроме того, большевики находились на расстоянии всего 3 километров.

Мы выпрыгнули из вагонов, полагая, что все мы отправляемся на смерть. Метель била в лицо и пыталась свалить с ног. Офицеры и солдаты попадали в снег.

Лица нескольких человек выглядели просто отвра-

тительно: распухшие, покрасневшие, глаза налились кровью. Я не мог хлопать себя по щекам, которые постоянно мерзли, так как мои руки были заняты пулеметом, патронными лентами, коробками с патронами. Другие пострадали от обморожения ног, которые потом превратились в черные палки. Кто-то отморозил себе уши, напоминавшие сейчас большие абрикосы, из которых сочился оранжевый гной.

Самыми несчастными из наших товарищей оказались те, кто отморозил себе половые органы. Они испытывали невыносимые страдания. Эти люди путешествовали из госпиталя в госпиталь до конца войны, но напрасно. Отмороженная плоть, чудовищно раздувавшаяся, горела как в огне весь день.

Деревня, которую следовало занять, находилась прямо перед нами. Она носила имя знаменитой берлинской еврейки, занимавшейся политикой, — Розы Люксембург. Русские, наверное, замерзли ничуть не меньше нас, потому что отдали эту территорию, даже не попытавшись отстоять ее. Мы потеряли только одного человека, нашего самого молодого добровольца, 16-летнего паренька, который получил в грудь случайную пулеметную очередь. В 17.00 мы заняли первые избы, а тем временем огромное багровое солнце склонялось к западу и постепенно скрылось за горизонтом, затянутым снежными вихрями.

* * *

Нам необходимо было устроиться как можно лучше.

Моя группа заняла две избы, которые фактически были просто хижинами. В одной из них жили две женщины и семь детей. Ребята испражнялись на землю

прямо посреди комнаты. Матери аккуратно отгребали дерьмо к стенам, а затем доставали из печи пригоршни подсолнечных семечек и снова принимались жевать.

Вторую половину ночи мы провели в степи на наблюдательных постах. Повторное наступление русских было более чем вероятно. Как нам реагировать? Мой пулемет при температуре 40 градусов ниже нуля намертво заклинило. У нас не было никаких способов заставить наше оружие работать. Единственное, на что мы могли рассчитывать, — это отбиться в рукопашной с помощью ножей и гранат.

В 06.00 занялся мутный рассвет, медленно растекающийся по небу: золотой, пурпурный, красный с мягкими переливами, окаймленный чистым серебром. Пока я смотрел на небо восторженным взглядом, видя захватывающую дух картину, внезапно над степью заиграли фиолетовые фестоны северного сияния. От восторга я даже забыл о своих страданиях. Самое главное — это красота, и неважно какой ценой. Над собой я видел самые прекрасные цвета на свете. Однажды я видел небо в Афинах, мои эмоции, моя радость были даже больше, так как я видел роскошь и чистоту русского неба. Мой нос замерз. Мои щеки замерзли. Мой пулемет замерз. Но мои чувства прямо таки горели. Видя этот многоцветный рассвет в деревушке Роза Люксембург, я был счастливее, чем Алкивиад, увидевший темное море с высоты холма Акрополя.

Через два дня новый бросок на восток.

Холод немного ослаб, но красноватый гной сочился из трещин на наших лицах, которые были изъедены морозом.

Войска шли между двумя холмами, расположенными на большом расстоянии один от другого, развернувшись в стиле старинных армий, вроде как при Людовике XV. Впереди нас танки прорвали позиции русских. Продвижение происходило спокойно.

Мы сделали остановку в деревне, такой же грязной, как и все остальные, но населенной племенем цыган. Женщины сидели в избах на печи, скрестив ноги на турецкий манер, и курили трубки. Они имели иссиня-черные волосы и носили рваные платья.

На следующий день мы прибыли в город Благодать, где только что завершился яростный бой авангардов. Буквально перед нами грузовик с боеприпасами получил прямое попадание снаряда. Теперь там лежало обезглавленное обнаженное тело. На месте шеи красовалась огромная почерневшая рваная рана. Бедро тоже обгорело, из рваных ран торчали белые кости.

Я осмотрелся вокруг, пытаюсь найти пропавшую голову. Внезапно я увидел человеческое лицо, приклеенное к металлической пластине, чудовищную, невероятную маску. Взрывом у человека содрало кожу с головы — скальп и лицо. Ужасный холод немедленно заморозил ужасную маску, сохранив форму и цвета. Мертвые голубые глаза продолжали смотреть перед собой. Ключья окровавленных волос мотались на ветру. Все это выглядело настолько реально, что я едва не закричал от ужаса.

Немцы, ведя плотный огонь из пулеметов, сумели ворваться в деревню. Русские ожесточенно отбивались, проводя контратаки с трех сторон сразу. Какое-то казаки бросались на нас, одетые в великолепные синие мундиры, размахивая кривыми саблями. Они неслись галопом, гордо сидя верхом на своих юрких

лошадках. Всех их безжалостно перебили. Лошади падали мертвыми, подламывая передние ноги, а всадники кувырком катились по снегу в разные стороны, либо они так и оставались мертвыми в седлах, застывая, словно камень. Смерть объединяла и лошадь и всадника.

Сибирская пехота бросилась в атаку столь же наивно, как и казаки. Они бежали вниз по двум холмам, а потом через поле, но никто из них не сумел подойти ближе чем на 30 метров к нашим избам. Тела нескольких сотен сибиряков лежали по всему полю. Все они были великолепно оснащены, одеты в толстое фланелевое белье американского производства под тонкими мундирами, а поверх них толстые хлопковые куртки, шинели и белые халаты.

По крайней мере к борьбе с холодом они были хорошо подготовлены.

Почти все они были азиатами, с волосами жесткими, словно щетка из щетины дикой свиньи. Холод сохранял их такими, какими они упали. У одного из них глаз выскочил из орбиты после того, как пуля попала ему прямо в лоб. Глаз моментально застыл. Он торчал вперед, словно палец из-под брови, напоминая ужасный оптический прибор. Глаз смотрел на нас так выразительно, словно монгол все еще был жив. Ведь глаза мертвых при температуре 40 градусов ниже нуля сохраняют прежнюю зоркость.

* * *

Деревня была в ужасающем состоянии. Мы провели всю ночь среди молодых животных, которые избежали бойни. В наших комнатах среди маленьких телят и нескольких цыплят находился десяток вежливых го-

лубей, которые нежно ворковали, безразличные к страданиям людей.

А когда мы проснулись, нас ожидал новый сюрприз: оттепель! Сильная оттепель! Вся земля в деревне была покрыта слоем воды толщиной 20 сантиметров.

Пехотинцы сражались в любую погоду. И теперь мы шли на врага среди трупов, которые плавали по дорогам, как диковинные лодки.

Оттепель и заморозок

Русская оттепель приходит с невероятной скоростью. В начале февраля 1942 года температура была 42 градуса ниже нуля. А спустя четыре дня вокруг текли реки глубиной 30 сантиметров.

Мы прошли мимо советских саней, чьи лошади и кучер были убиты одним взрывом: солдат, коренастый монгол, загорелый чуть ли не дочерна, плотный, смотрел на дорогу пустыми глазами. Рядом с ним стояла огромная зеленая бутылка, в которой находилось на менее 10 литров томатного сока. Лошади и монгол были мертвы, бутылка совершенно цела.

Как только мы спустились с холма, то сразу оказались среди потока. Поля постепенно таяли, вода текла по тысячам маленьких каналов, которые выходили на дорогу. Лед отказывался таять, поэтому вода поднималась все выше и выше. Мы маршировали по этим ледяным рекам, промокшие до колен.

Мы остановились, чтобы провести ночь в крохотной деревеньке, состоящей ровно из двух изб. 80 хорватских добровольцев уже набились в обе избышки буквально плечом к плечу, так что в комнатах нельзя было даже присесть.

Втиснуть еще хотя бы одного человека в эти норы было невыносимо. Точно так же два маленьких свинарника были забиты дрожащими солдатами, которые не могли высушить одежду.

Все, что мы смогли сделать, — это забраться на чердак, втиснувшись в узкое пространство между крышей и потолком. До конька крыши оставалось не более одного метра. Мы осторожно ползли вперед, перебираясь с балки на балку и каждую минуту рискуя провалиться вниз на головы хорватам, если вдруг потолок не выдержит. Под крышу ухитрились заползти более ста человек, которые кое-как устроились по темным закоулкам. Нам приходилось сгибаться и складываться в три погибели. Наши ноги замерзли, ботинки были полны ледяной воды. С самого утра у нас во рту не было ничего, кроме куска черствого армейского хлеба. У многих вообще не осталось ни корки.

* * *

В 21.00 внезапно тусклая электрическая лампочка засветилась в отверстии люка, прикрывающего лестницу. «Поднимайтесь! Мы выступаем!»

Выступать! Посреди ночи, по дороге, вдоль которой текут ледяные ручьи! Мы получили приказ преследовать по пятам отступающих красных и к рассвету занять большой колхоз, находящийся восточнее.

Все могли видеть только ближайшего соседа. Мы вслепую брели по воде. Переменчивая погода превратила дорогу в настоящую ловушку. Под водой от растаявшего снега лежала корка льда, на которой люди постоянно поскользывались. Настала и моя очередь

проделать это, и я шлепнулся лицом вниз в обнимку с пулеметом. Затем у меня внезапно поехали пятки, и я упал назад, едва не захлебнувшись. Промокшие до нитки, мы брели по этой квашне, пока не добрались до реки Самары. Вода здесь шла поверх льда и ширина потока превышала 25 метров, причем не было видно никого, кто решился бы пересечь поток! Около 01.30 мы все-таки добрались до упомянутого колхоза. Десяток мертвых лошадей лежали в тающих сугробах. Не осталось ни одного места, где можно было бы передохнуть, если не считать три маленькие конюшни, полные конского навоза.

* * *

Наша группа из 40 человек расположилась в одной из них.

Из остатков старых ларей для зерна мы соорудили небольшой костерчик. Когда огонь разгорелся, я поспешил снять свое белье и рубашку, чтобы просушить их на кочерге. Но со своей обычной неуклюжестью я сделал это так, что моя одежда вспыхнула, осветив всю конюшню. У меня остался только жилет и пара заношенных брюк, в которых мне предстояло щеголять до конца зимнего наступления.

У нас не осталось никакой еды, но запах конского навоза все равно отбивал аппетит. На следующий день ближе к вечеру мы начали осматривать свои владения, и на склоне, ведущем к Самаре, я нашел то, что принял за тело, лежащее в подтаявшем снеге. Я спустился, чтобы посмотреть повнимательнее. К своему ужасу, я обнаружил молодого немца, чьи ноги русские, проявив особый садизм, отпилили по колено.

Судя по всему, работу проделали обычной пилой, но действовал большой умелец. Несчастный немец вошел в разведывательный патруль, который пропал два дня назад. Было видно, что после пытки он еще сумел проползти около 15 метров, сильное молодое тело отчаянно не хотело умирать.

* * *

Холод вернулся так же внезапно, как наступила оттепель. Однажды ночью температура внезапно рухнула до 20 градусов ниже нуля. На следующий день Самара снова окончательно замерзла.

Дорога вдоль долины превратилась в чудовищный каток, чудовищный потому, что трупы русских, плававшие в воде два дня назад, теперь вмерзли в лед. Из него торчали где рука, где ноги, где голова.

Сани постепенно уничтожали эти препятствия, срезая пальцы и носы, которые крошились, как опилки. Через несколько дней дорога стала гладкой, исключая обрубки рук и полусрезанные лица, кое-где видневшиеся во льду, как чудовищные рыбы, подплывшие близко к стеклу аквариума.

* * *

Как только лед стал достаточно твердым, мы возобновили движение.

Русские самолеты постоянно обстреливали нас их пулеметов. Через 2 километра мы подошли вплотную к Самаре. Переправа была медленной. И в это время эскадрилья советских самолетов набросилась на нас, как стая безжалостных ос.

Они пикировали, разворачивались и возвраща-

лись. Вместе с несколькими товарищами я побежал, чтобы освободить тяжелую повозку с боеприпасами, застрявшую посреди реки, которая в любой момент могла стать добычей русских. Я толкал ее изо всех сил, чтобы поскорее добраться до укрытия под прибрежным откосом. Самолеты спикировали еще раз, повозка перевернулась и придавила меня. В глазах почернело.

Я очнулся через полчаса, уже лежа в хижине. Мои глаза смогли различить только какие-то огромные лиловые разводы и круги. Моя левая нога была сломана в двух местах.

Я понял, что меня хотят отправить в госпиталь. Это заставило меня окончательно опомниться. Санитар, который перевязывал меня, имел в своем распоряжении лошадь и сани. Меня уложили на сани, и по вмерзшим в лед трупам мы отправились на восток.

Через час я догнал свою роту. Лежа на трех досках, я прибыл в Ново-Андреевку, которую продолжали атаковать русские самолеты. Они убили одного человека и ранили еще нескольких. Несмотря на обстрел, валлоны удержали деревню на эту ночь.

* * *

Мы должны были следовать далее. Моя нога выглядела сейчас как голова черного теленка. Порывшись в снегу, товарищи нашли мне один из огромных валяных сапог, которые водители танков надевают поверх обычной обуви. Это даже оказался именно левый сапог. Когда они засунули туда мою сломанную ногу, выяснилось, что сапог сидит идеально. Лежа на своих

маленьких санках, я мог двигаться дальше вместе со своей ротой.

В третий раз нам пришлось пересекать покрывшуюся льдом, продуваемую ветрами Самару. Советские самолеты возобновили свою охоту за нами. Когда мы пересекали реку, они скользили над нами, треща пулеметами, а затем сбросили на нас три большие бомбы. Бомбы были сброшены с такой малой высоты, что просто не успели принять вертикальное положение и, скользя по льду, врезались в наши ряды, как три огромные серые собаки.

Мы добрались до восточного берега, но несколько валлонов погибли.

Мы получили приказ захватить высоты, господствующие над долиной, которые формировали водораздел. Тот, кто удерживал их, контролировал долину реки Самары.

17 февраля в 11.00 мы вышли на плато. Там находилась деревня, избы которой были разбросаны по обе стороны длинных замерзших прудов. Когда мы пересекли пруды, русские, находившиеся восточнее, открыли по нам яростный огонь из орудий.

Солдаты бегом бросились к избам, чтобы найти хоть какое-то укрытие. Распластавшийся на своих санях, я не мог сделать ни одного шага. Я слышал, как вокруг свистят осколки, иногда ударяя по доскам. Хорват, который бежал неподалеку, вытянув руки, внезапно упал на меня. У него появилась огромная красная дыра размером в два кулака там, где раньше были глаза.

Вот так мы вошли в деревню Громова Балка, где потом потеряли половину легионеров убитыми и ранеными.

Настоящий ад

В Громовой Балке, как и во всех других местах, не было сплошного фронта. Слева на 7 километров шло пустое пространство. Справа наши товарищи из дивизии СС «Викинг» занимали деревню в 3 километрах от нас.

Русские сосредоточили свои главные силы в нескольких километрах восточнее, но их передовые посты находились буквально вплотную к нам, внутри стогов сена, которые торчали тут и там в степи.

Так как деревня Громовая Балка была построена в небольшой низине, мы расположили позиции на хребте. Мы не могли отрыть окопы, поэтому построили укрытия из больших блоков плотного снега, вырубленных топором.

Тыловые позиции были устроены чуть дальше, рядом с избами. Наши добровольцы вырезали их в кучах навоза, перемешанного с соломой, которые резать было легче, чем снег. Это дало нам несколько неожиданное лакомство, так как наши солдаты откопали две бутылки французского коньяка, забытые русскими во время поспешного бегства.

К несчастью, это оказалось единственным утешением, так как следующие десять дней в Громовой Балке творился настоящий ад.

* * *

Чтобы разместиться, мы имели всего две или три избы на роту. Почти все окна были перебиты к моменту нашего прихода. Большевики, как обычно, перестреляли всех животных. Их туши лежали внутри домов или прямо на порогах. Одна лошадь умерла в окне

избы, почти загородив его. Две другие мертвые лошади валялись в конюшне.

Так как противник атаковал нас днем и ночью, половина наших людей постоянно находилась на позициях в снегу. Из-за холода роты были поделены пополам, и караулы сменялись каждые два часа.

В течение этих 10 дней наши солдаты ни разу не получили возможность поспать больше чем полтора часа подряд. Их приходилось будить за четверть часа до заступления на пост. По возвращении назад им требовалось еще четверть часа, чтобы уснуть. Кроме того, если бы одновременно на отдых отправились более половины солдат, они не сумели бы одновременно расположиться в комнате, настолько маленькой она была. 25 человек, которые возвращались после своего двухчасового дежурства, даже не могли лечь. Им приходилось стоять или сидеть на корточках. Холод донимал их непрерывно, прорываясь сквозь разбитые окна, которые мы не могли плотно заделать.

Я сам со своей сломанной ногой мог оставаться на носилках только в том случае, если их ставили на скамейку, прибитую к стене на высоте метра над полом. Вот на этом насесте я и лежал круглые сутки, замерзший и беспомощный, закованный в гипс, глядя, как уходят и возвращаются мои несчастные товарищи.

Доставка продуктов была и простой и сложной одновременно. Саням требовалось от 40 до 50 часов, чтобы добраться до нас. Вражеская артиллерия неутомимо продолжала свое злое дело, непрерывно обстреливая дорогу, поэтому на последних километрах пути интенданты подвергались серьезному риску в дневное время. Если они пытались прорваться к нам

ночью, они могли заблудиться в степи и вылететь прямо к советским постам.

Мы получили столько продовольствия, чтобы лишь не потерять силы: немного хлеба, который мы резали штыками, несколько банок мясных консервов, замороженных на фабрике и перемороженных во время путешествия.

Недосыпание убивало людей. Холод изматывал чудовищно, от него страдало все тело. Нашим ротам приходилось торчать в ледяных дырах по 12 часов в сутки совершенно не двигаясь. Люди стояли на льду. Если солдатам хотелось прилечь, ложиться приходилось на лед. Температура все время стояла 20 или 25 градусов ниже нуля. Короткий отдых в избе не позволял согреться — внутри было почти так же холодно, как и снаружи, да и отдохнуть по-настоящему не удавалось. Они не могли растянуться во весь рост на земле, ни даже подремать спокойно, так как взрывы снарядов постоянно сотрясали дома.

На протяжении нескольких дней советская артиллерия выпустила по нам несколько тысяч снарядов. Некоторые избы загорелись. Другие, получив попадание в крышу, разбросали свою солому на десятки метров в стороны. Наши потери были тяжелыми.

Один из наших тяжелых пулеметов получил прямое попадание и был подброшен на четыре метра в воздух вместе со стрелком. Он упал обратно, все еще сжимая рукоятки пулемета. Но два других человека в расчете были искалечены.

Вражеский снаряд прямо через окно влетел в избу, где отдыхали наши товарищи. Дом превратился в настоящую бойню. Один солдат просто исчез бесслед-

но, раненые и убитые лежали огромной кучей. На следующий день удалось найти лишь небольшие куски мяса, разбросанные вокруг. Судя по всему, снаряд попал ему прямо в грудь.

* * *

Наши телефонные линии постоянно рвались.

40 человек, которые поддерживали связь между ротами и батальонным командным пунктом, а также между батальоном и дивизией, мучились невыносимо. С начала наступления им приходилось каждую ночь в мороз до 40 градусов пересекать реки, созданные оттепелью, разматывая километры телефонного провода. Они возвращались из степи с тяжелыми обморожениями рук, щек, носов и ушей.

В Громовой Балке они проводили дни и ночи, ползая по льду и снегу под пулеметным огнем вместе со своими проклятыми проводами, которые красные рвали по три или четыре раза в час.

Поддерживать связь было совершенно необходимо, так как эти провода служили батальону нервной системой.

Среди них был старик с седыми волосами, призванный впервые. Он тоже был ранен. У него еще хватило силы вытащить из кармана маленькую Библию и прочитывать две или три строки псалма, прежде чем умереть.

* * *

Наши ужасные страдания, которые мы были вынуждены переносить, усугублялись и другими бедами, более интимного свойства.

Мы все были почти полностью покрыты таинственными болячками, которые солдаты на Восточном фронте называли «Русской чумой».

Болезнь начиналась с невыносимой чесотки, которая распространялась с ног. Их почти невозможно было чесать. Появлялись синеватые язвочки, которые жгло, как будто они были посыпаны солью и перцем. Они кровоточили, из них часто сочился гной. Видеть это было просто ужасно. Их нельзя было расчесывать, но нервы людей не выдерживали. Если днем у них еще хватало сил противостоять укусам яда, по ночам во время сна ваши руки невольно тянулись к ступням и икрам. Ваши пальцы соскребали коросту, и язвы делались глубже, кровоточили. Нам приходилось спать, не снимая ботинок, чтобы противостоять ужасному зуду.

Тысячи, десятки тысяч солдат на Восточном фронте были отведены с передовой, потому что эта ползучая зараза оказалась слишком сильной. В Громовой Балке некоторые наши товарищи расцарапали себя буквально до костей. По крайней мере у трех четвертей солдат кровоточащие икры были покрыты царапинами. Но, несмотря на перевязки, синие ямки ран, вызванных неизвестной кислотой, притягивали к себе пальцы, заставляя чесаться днем и ночью.

* * *

Нас также поедали полчища вшей.

Все контрнаступление на Донце мы провели, не имея даже единственной смены белья. В каждой из чудовищных изб, где мы останавливались, перед нами жили толпы монголов, татар, сибиряков, таскавших с собой насекомых. В наших тяжелых условиях, когда в

каждый дом набивались по 40 или 50 человек, мы становились легкой добычей этих прожорливых, беспощадных насекомых.

Часть солдат уже обессиленна, и они не хотели жертвовать еще часом сна, тратя его на бессмысленную охоту на вшей. Даже если вам удавалось передавить ваших собственных вшей, ваш сосед не уничтожал своих. И к моменту пробуждения половина их перебиралась на вашу территорию. Организовать общую дезинсекцию в таких стесненных условиях было просто невыносимо, ведь солдаты не могли даже выпрямиться как следует.

Нам оставалось лишь вычесывать себя под мышками или в паху, вытаскивая горсти вшей. Некоторые были маленькими и верткими, другие длинными, а часть — круглыми с красным брюшком размером с булавочную головку. Их цвет удивительно подходил к цвету нашей одежды.

Вши находили особое удовольствие, присасываясь к ранам. Они находили путь сквозь все слои нижнего белья. Я чувствовал, как они ползают по моей сломанной ноге. Но сделать с ними мы ничего не могли, они поедали нас заживо, и наши нервы были натянуты, как струны.

* * *

С каждым днем русские становились все агрессивнее.

Более чем неделю мы не имели возможности поспать. Даже когда люди возвращались для своих двух часов отдыха в избу, снаряды и гранаты рвались так часто, что люди невольно бросались на землю,

ождая, что очередной снаряд взорвется посреди комнаты.

Погребов в этих домах не было, и найти убежище оказалось невозможно.

Начиная с 25 февраля по вечерам стали появляться советские танки. Они приближались на расстояние несколько сот метров, каждый раз выпускали несколько снарядов и исчезали в темноте.

Наши патрули сходились в жестоких рукопашных схватках с передовыми постами русских.

Советские войска методично выполняли свой план. Сначала они уничтожали все препятствия, одно за другим. Первой была атакована крупными силами деревня справа от нас, которую занимали эсэсовцы. Если этот редут падет, мы окажемся в изоляции, единственными защитниками дороги к Самаре, то есть того направления, куда русские намеревались бросить все силы.

Эсэсовцев насчитывалось около 200 человек. Они были настоящими бойцами. Наши люди, которые поддерживали контакт с их командным пунктом, не могли не восхищаться их хладнокровием под вражеским огнем. Русские расстреливали их из пулеметов с расстояния 30 метров, все дома поочередно. За один день эсэсовцы отбили 10 атак противника, в 20 раз более многочисленного. Они стояли непоколебимо, а в промежутках между атаками перебрасывались в карточки.

К концу недели они удерживали лишь узкий проход шириной около 100 метров, ведущий на запад. Три четверти этих отважных солдат пали в неравной борьбе. 28 февраля 1942 года в 05.00 несколько тысяч красных обрушились на 50 уцелевших немцев. В течение часа все они были безжалостно перебиты, спа-

стись сумели лишь несколько. Мы видели, как они бегут к нам по снегу, преследуемые большевиками.

Они прибыли очень вовремя, чтобы помочь нам, потому что после захвата деревни, защищаемой солдатами дивизии «Викинг», большевики, которые всю ночь накапливали силы восточнее Громовой Балки, обрушились на нас.

В 06.00 два полка, насчитывающие около 4000 человек при поддержке 14 танков, атаковали нас.

Нас оставалось всего 500 человек, и мы имели единственный танк.

Громовая Балка

Всю ночь наш батальон находился на ногах. Наши патрули следили за передвижениями противника. Мы были совершенно уверены, что атака неизбежна.

После падения деревни, защищаемой эсэсовцами, мы оказались в одиночестве на открытом пространстве площадью около 15 квадратных километров. Красные рвались отомстить, они намеревались отбить долину реки Самара, из которой их выкинули две недели назад.

Они не жалели усилий, чтобы добиться решающего успеха. Их артиллерия, сосредоточенная на высотах, обрушилась на нас, их наблюдатели отслеживали малейшее шевеление в деревне, превратившейся в кучу развалин.

Наши солдаты ходили на призраков.

В полночь была объявлена первая тревога. В 06.00 новая тревога позвала солдат на позиции. Почти немедленно на нас со всех сторон обрушился пулеметный огонь.

* * *

Я лежал на двух досках в нашей избе, в 40 метрах от ледяных фортов, обращенных лицом на восток. Я с тревогой вслушивался в шум битвы. Внезапно крыша вспыхнула и затрещала, солома загорелась.

Прыгая на одной ноге, я добрался до окна, огромное число пехотинцев стремительно приближалось.

Сначала я подумал, что это хорватские добровольцы, они имели почти такие же темные шинели. Снаряды рвались среди них, немецкая артиллерия, которая была придана нам, открыла огонь почти в упор по этой толпе людей.

Они выскочили из оврага и бросились к центру деревни, атакуя позиции наших рот с тыла. Можно было подумать, что здесь проходят учения, настолько беззаботными они выглядели. Они развернулись в цепь, лишь когда подошли на расстояние около сотни метров к моей избе. А затем я увидел 14 советских танков, которые с ревом неслись прямо вперед.

Моя рота была просто раздавлена и откатилась ко второй избе.

Я не мог больше терпеть. Моим сломанным костям требовались еще две недели, чтобы срастись. Разбив гипс, который сковывал мою ногу, я захромал наружу, используя винтовку в качестве костыля. Я намеревался присоединиться к своему отделению.

* * *

Забыв о своих страданиях, я занял место у своего пулемета. Здесь нас было 12 человек, расположившихся в 20 метрах от второй избы. Я устроился между двумя огромными мертвыми лошадьми, твердыми,

как камень. Пули, звучно шлепались об их туши, но звуки получались довольно странными.

Противник разворачивался с востока к северо-востоку против двух линий домов в деревне. Одновременно они атаковали наших товарищей из 2-й роты, которые защищали избы на другом берегу пруда.

Солдаты 2-й роты показали чудеса храбрости, защищая свои позиции, но передовой пост был захвачен противником. Они все погибли почти до последнего человека, но сумели затормозить первый удар красных.

На северо-востоке советские войска, русские и азиаты, проникли за первые избы. Наши отчаянные солдаты и красные дикари убивали друг друга в ходе отчаянной рукопашной схватки.

Неожиданно над битвой воспарила одна из наших старых рексистерских песен. В начале войны наши солдаты еще использовали кое-какие приемы старых времен: они пели, поднимаясь в атаку. Уцелевшие солдаты 2-й роты контратаковали красных, пытаясь отбросить их назад. Их командир обер-лейтенант Бюйд, промышленник из Брюсселя, бежал первым с пулеметом в руках. Он перестроил роту за углом дома, и она вышла на свои старые позиции в снегу.

Однако каждый из наших солдат жаждал схватиться с русскими. Советские танки появлялись в критических точках, давя всех и вся. Лейтенант Бюйд вел огонь из пулемета, пока русские не оказались на расстоянии нескольких шагов. В этот момент он получил пулю в грудь и умер, рухнув на свое оружие.

Красные отбили первые хижины на северо-западе. Мы видели, как их танки с грохотом катили за нашими

ранеными, настигали их и давали своими стальными гусеницами.

Наше положение было ничуть не лучше. Большевики заняли дымящиеся развалины первой избы и еще несколько соседних зданий. С северо-востока несколько пулеметов «Максим» вели бешеный огонь. С открытого сарая между нами и противником перекрестным огнем сорвало крышу. Он вообще развалился, как карточный домик.

Наши люди падали, пораженные разрывными пулями, которые наносили чудовищные раны. Один из моих товарищей упал передо мной, и его голова превратилась в бесформенную массу. Пуля снесла ему напроць все лицо.

Красные больше не были перед нами. Избы на нашем левом фланге были захвачены, русские удерживали свои старые позиции на восточном гребне. Оттуда они хлынули в самый центр деревни.

Наших солдат осаждали маленькие кучки красных, которые яростно дрались, не желая уступить.

Мы сражались в основном винтовками, стараясь экономить боеприпасы, тщательно выцеливая большевиков перед каждым выстрелом. Противник продолжал наступать с ослиным упрямством. Прекрасное золотое солнце поднялось над снегами позади атакующих. Русские занимали наши позиции в снегу, и теперь их силуэты превратились в прекрасные мишени. Каждая голова, которая осмеливалась подняться над нашим старым бруствером, тут же получала пулю.

Но мы тоже несли тяжелые потери.

Через час я остался единственным из своей маленькой группы, зажатый между двумя лошадиными тушами, оказавшимися прекрасной защитой. Пули с

визгом рикошетировали в разные стороны. Одна из них, пролетев рядом с моей щекой, сделала глубокую борозду в прикладе моей винтовки. Часть русских обошла меня слева, и там собралось не менее 30 противников всего лишь в 10 метрах от меня. В этот момент я почувствовал, что кто-то дергает меня за ногу. Молодой капрал из моего отделения Генри Беркманс, видя, что я могу погибнуть, подполз ко мне и оттащил меня назад, словно я был санками.

Столь необычное путешествие длиной 20 метров привело меня на порог избы, крытой соломой, где оборонялись остатки нашей роты. Увы, моему героическому спасителю повезло меньше, чем мне. Взрыв гранаты раздробил ему ступни ног, и он умер в страшных мучениях.

Это произошло, вероятно, около 09.00. Советские танки, которые ворвались в деревню с северо-запада, теперь оказались в нескольких сотнях метров позади нас. Они продолжали свою ужасную охоту за людьми, разъезжая вокруг домов и находя явное удовольствие в том, чтобы давить моих товарищей одного за другим, даже безоружных и раненых. Мы поняли, что вскоре сами будем окружены и уничтожены этими стальными гигантами, тем более что на северо-восточный сектор пришлась основная тяжесть советской атаки. Дело в том, что русские собрали перед деревней все силы, освободившиеся после уничтожения эсэсовского гарнизона.

Мы также подвергались сильному артиллерийскому обстрелу. Лед вокруг нас разлетался на сотни крошечных осколков. Каждый из нас старался укрыться, как мог — за крестьянскими санями или оконными ставнями.

Старый солдат, ветеран Первой мировой войны по фамилии Стеенбрюгген особенно рвался в бой. Он получил пулю в заднюю часть шеи, упал, но поднял правую руку и закричал: «Прощайте, товарищи. Король победит!» Мы подумали, что он умер. Однако через 15 минут тело село и произнесло: «Однако, слава богу, я не умер». Наш старый солдат вернулся к жизни! Он остался жив, несмотря на пулю в голове! Он даже смог сам приползти на перевязочный пункт. Так как шея у него была необычайно толстая, он оправился от своей раны.

Но наше счастье быстро улетучилось. Советский танк решил покончить с нашим сопротивлением и пошел через замерзший пруд прямо на нашу избу.

* * *

Танк навел на нас свою пушку. Мы только и успели, что броситься на пол избы. Три снаряда, нацеленные очень точно, разнесли всю переднюю стену. Мы были похоронены под обломками развалившейся стены. Соломенная крыша загорелась. Несколько человек истекали кровью, у одного из них оторвало левую руку.

К счастью, один из этих снарядов пробил брешь в задней стене дома примерно метр высотой. Мы сумели вытащить раненых через дыру и выползти сами.

Чтобы добраться до следующего дома, нам следовало пересечь около 30 метров открытого пространства. Люди, которые пытались бежать прямо, были безжалостно убиты. Чтобы обмануть противника, который пытался целиться, необходимо было пробежать самое большое пять метров, затем броситься на землю, сно-

ва пробежать пять метров, снова броситься на землю и так далее. Снайперы противника, сбитые с толку такой тактикой, принялись искать менее увертливые цели.

Один из наших молодых солдат укрылся за трупом. Охваченный паникой, он даже не смотрел, кто это. Внезапно он увидел прямо рядом с собой человека, смотрящего мертвыми глазами в небо. Этот мертвец был его отец, отважный портной из Брюсселя.

* * *

Мы укрылись в соседней избе. Теперь уже ее крыша загорелась у нас над головами. Нам пришлось прижаться спиной к порогу здания, укрывшись за желтым ледяным валом застывшей мочи.

Танки обходили нас. Сотни русских пулеметов расстреливали нас почти в упор. Прямо позади нас соломенная крыша рухнула на землю, как огромный факел.

Танки почти завершили свой рейд позади нас. Мы теперь почти не стреляли, так как старались беречь каждый патрон. Конец неумолимо приближался. Наш командир роты положил мне руку на плечо. «Если ты погибнешь, я тебя не переживу», — сказал он.

Однако никто из нас не хотел умирать. Внезапно мы услышали рев моторов в небе. Танки красных взрывались! Избы взрывались! Вся толпа красных взлетела в воздух, точно игрушки!

Прибыли немецкие пикировщики!

С невероятной точностью они поражали советские танки и уничтожали по-дурацки сгрудившегося противника. Вражеские танки поспешно бросились врас-

сыпную, пытаюсь укрыться от пушечного огня пикирующих самолетов. Пехота побежала следом за ними.

Наш командир батальона немедленно бросил в контратаку последние силы, которые он сумел собрать. Эти солдаты пробежали мимо нас. К полудню Валлонский легион полностью отбил Громовую Балку и даже вернул первые избы по обе стороны пруда. Тела русских лежали повсюду. Мы захватили большое количество пленных. Монголы, уродливые, как обезьяны, киргизы, сибиряки — все были удивлены проявлением столь высокого духа. Они непрерывно повторяли, щуря свои маленькие желтые глазенки: «Бельгийски карош! Бельгийски карош!»

К несчастью, все наши раненые были уже мертвы, раздавленные советскими танками или убитые ударами штыков.

Завершив свою потрясающую атаку, немецкие самолеты улетели. Русские перегруппировались, их танки снова выдвинулись вперед. Все начиналось сначала.

Мы были беспомощны против их танков. В то время панцер-фаусты еще не существовали, а мы не имели противотанковых пушек. У нас не было даже мин.

С самого начала этой невероятной борьбы немецкая 100-я пехотная дивизия, которой мы были приданы, обещала нам свою помощь. Танковая колонна была направлена к нашей деревне, но была перехвачена группой русских танков. Последовал бой в степи, который затянулся на несколько часов, и в результате подкрепления из 100-й дивизии к нам так и не прибыли.

Нашим солдатам снова пришлось вести оборонительный бой за каждую избу, за каждый сарай, за каж-

дый холмик. К 15.00 они снова оказались прижаты к последним домам перед вишневым садом на юго-западной окраине деревни. Если их выбьют из этого последнего убежища, они окажутся в степи, плоской как стол, без единого кустика, где во все стороны на много километров тянется лишь глубокий снег.

Мы были вынуждены что-то предпринять, чтобы не оказаться в безнадежном положении. Наш командир капитан Паули собрал остатки рот и с гранатой в руке первым бросился в контратаку с нашим старым кличем: «Король победит!» Весь личный состав батальона, все, кто еще мог двигаться, включая оружейников, поваров, посыльных и водителей, последовал за ним. Последовала безумная схватка. Красные и валлоны убивали друг друга даже в домах, стреляя сквозь щели в дверях, разносили черепа выстрелами в упор.

Русские танки, которые испытывали нехватку снарядов, бросились вперед, пытаясь давить наших солдат, которые металась от избы к избе. Советские пехотинцы, испуганные и измученные, сначала заколебались, а потом начали отступать. В разгар рукопашной с запада появились кое-какие немецкие подкрепления. После этого противник обратился в бегство. В третий раз мы отбили деревню.

Красные снова поймали сами себя, так как некоторое время гонялись за нашими солдатами. Но наши танки, выигравшие бой в степи, в свою очередь показали на склоне холма. Через полчаса советские танки и пехота исчезли в голубых снегах на северо-востоке.

Приближалась ночь. Тела семисот красных лежали на снегу, на льду прудов, возле развалин домов. Но во

время этой яростной 12-часовой схватки погибли или были ранены также 250 наших товарищей.

Через час немецкие танки ушли на другой участок фронта, где также сложилась угрожающая ситуация. От изб в Гремящей Балке не осталось ничего, кроме тлеющих углей, чье свечение медленно угасало в ледяном вечернем мраке.

Ледяной фронт

Вечером 28 февраля 1942 года дымящиеся остатки Гремящей Балки были в наших руках. Однако было необходимо смотреть фактам в лицо: позиция стала незащитимой. Деревня была разрушена. Кроме того, она находилась на дне впадины. Со склона на востоке противник мог следить за всеми нашими передвижениями.

В течение 10 дней мы подвергались сильнейшему нажиму и работали не покладая рук. Мы должны были удержать деревню, хотя нам противостояли 4000 советских солдат и 14 танков, единственно во имя чести нашего народа. Мы все предпочитали умереть, но не отступить.

Бесполезно было начинать эту борьбу на следующий день. Мудрость требовала отступить из низины и создать линию обороны на западном склоне, который господствовал над Громовой Балкой. В этом случае артиллеристам красных было бы куда труднее целиться.

Командир 100-й дивизии генерал Занне приказал нашим батальонам под прикрытием ночи занять позиции на гребне. Наши передовые посты оставались на местах до последней минуты. Русские ничего не заме-

тили. На рассвете они бросились на руины Громовой Балки под прикрытием плотного артогня и обнаружили, что атакуют пустое место.

Теперь настал черед нашей артиллерии сделать жизнь противника в деревне невыносимой. Русским пришлось ничуть не лучше, чем нам ранее. В результате они тоже отошли на холмы к востоку от деревни.

После этого мы следили друг за другом и обменивались пулеметными очередями с гребня на гребень. Деревня стала ничейной землей, лишь несколько закопченных печных труб поднимались над развалинами домов.

Наши новые позиции были поспешно сооружены посреди степи. Температура держалась на отметке минус 30 градусов, и окопы пришлось рыть в снегу и льду.

Вернулись несколько тяжелых немецких танков, фыркающая и постреливающая. Приземистые, как средневековые бастионы, они обосновались на хребте, а немецкая артиллерия тем временем была выведена из долины на запад.

В нашем расположении не имелось ни единого домишки, ни единого костра. Только ледяные норы, в которых обосновались 200 уцелевших, не имеющих никакого зимнего обмундирования, но им предстояло сражаться с русскими.

Снаряды рвались повсюду. Взлетел на воздух склад боеприпасов. Зубы наших солдат стучали, как кастаньеты, настолько все они промерзли. Некоторые лица стали уже совершенно зелеными. Люди буквально покрывались коркой льда, и следующая ночь была ужаснее предыдущей. Наше положение стало совершенно отчаянным. Держать людей, измученных ме-

сячными боями, посреди голой степи да еще при таких температурах, было совершенно неприемлемо. Люди были вынуждены часами лежать неподвижно на снегу.

Наш батальон совершил невозможное, продержавшись до конца. Лишь один человек замерз насмерть. На следующий день Валлонский легион все еще держал свои позиции. Ни русские, ни мороз не могли заставить нас отступить.

* * *

Чтобы как-то облегчить свои страдания, мы сравнивали наше положение с проблемами 150 раненых, которых увезли по степи на десятках саней.

В Громовой Балке требовалось дожидаться наступления ночи, чтобы эвакуировать наших товарищей, потому что в дневное время советские пулеметчики обстреливали санитаров, несмотря на знаки Красного Креста, и могли просто добить раненых.

Наши сани быстро проходили 7 километров от позиций до деревни Ново-Андреевка. Там они оставляли свой кровавый груз и возвращались.

Дождаясь санитарного транспорта, мы размещали раненых в импровизированных укрытиях, вроде сгоревших изб. Позднее в случае необходимости на подстилку обдирали уцелевшую солому с крыш. Всю ночь эти несчастные дрожали от холода на снегу, защищенные лишь рваными тряпками и пучком соломы. Их страдания были неопишутемы.

В Ново-Андреевке врачи на перевязочных пунктах не знали, куда положить раненых. Они десятками лежали на голом земляном полу в домах. Деревня была всего лишь перегрузочным пунктом. Несчастных еще

предстояло эвакуировать на 40 километров в тыл в Гришино. Но вернулась метель, и снова степь заносили крутящиеся снежные вихри.

Саням требовались два или три дня, чтобы добраться до полевого госпиталя в Гришино. Люди с наспех перевязанными ранами и второпях наложенными лубками умирали от холода. Осколки гранат и пули, все еще застрявшие в теле, причиняли им ужасные мучения.

Скопление раненых в Гришино было невообразимым. Туда за пять недель привезли 11 000 человек. Некоторым тяжелораненым приходилось ждать по пять дней, пока им сменят повязки, которые становились черными и жесткими, как железо. Они с трудом могли объяснить, что им нужно, так как большинство не знали немецкого. В своих страданиях они даже не могли рассчитывать на слово утешения. Они достигли самых глубин физических и нравственных мучений.

* * *

К утру 2 марта 1942 года численность Валлонского легиона сократилась в три раза. Из 26 офицеров остались только двое, причем одного из них вскоре пришлось эвакуировать по причине нервного срыва.

В пути уже находились немецкие войска, которые должны были сменить нас. Наши разведчики сумели вырыть несколько подземных убежищ, которые позволили чувствовать себя хоть чуточку комфортнее на этом продуваемом со всех сторон хребте. Тем не менее, несмотря на эти убежища, батальон, который сменил нас на плато, только за март потерял в результате обморожений 30 процентов своего состава.

Нас сменили в полдень.

Наши парни, грязные и небритые, вернулись со своих постов, не скрывая гордости. Их героизм уже вошел в поговорку среди солдат, сражавшихся на Донце. Командир 100-й дивизии наградил их 33 Железными Крестами. В то время такое количество награждений для одного батальона было необычайным. Еще больше чести принесло нам упоминание в приказе по вермахту и в коммюнике Верховного командования.

Мы остановились в Благодати, которая находилась далеко в тылу.

Заснеженные поля были очищены от сотен трупов, казаков в синих шинелях, монголов в белых халатах, мимо которых мы прошли месяц назад во время наступления.

Мы нашли дома! Ужасные дома, трухлявые дома, но все-таки дома! Перед нами больше не было орд диких азиатов с крошечными сверкающими глазами, с воем бросавшихся в рукопашную.

Мы смотрели друг на друга неверящими глазами. Наши бедные мертвые товарищи, братья, которые разделяли наши мечты, казалось, идут впереди нас. Каждый из нас потерял близкого друга. Наш легион стал братской семьей, мы были едиными мыслями и устремлениями.

Наши сердца страдали, а привкус славы горчил на губах.